

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Два мнения по поводу одной книги

Татьяна Резвушкина, Зульфия Валитова: Средний класс Алматы: Уровень жизни, гендерные различия, идентичность, под редакцией С.М. Шакировой (Алматы: Центр гендерных исследований, 2007), 200 с.

Усложняющиеся и в объективном, и в субъективном смысле процессы социальной стратификации требуют теоретического и эмпирического анализа различных аспектов данной проблематики. В этой связи рецензируемая книга, в которой представлены работы С.М. Шакировой, Р.А. Айткалиевой, К.А. Токтыбаевой и Н.У. Шеденовой, вызывает несомненный интерес. Она посвящена одному из важных и широко обсуждаемых аспектов социальной стратификации – аналитический фокус сосредоточивается на гендерных характеристиках среднего класса города Алматы: на протяжении всей работы показывается, как и при каких условиях фактор пола влияет или не влияет на поведение людей.

Новизна работы, на наш взгляд, заключается в ее оригинальной структуре и в том, что впервые в Казахстане активно использована качественная методология в изучении стратификационных характеристик среднего класса. Работа с интересом читается также благодаря оригинальному авторскому подходу в анализе поставленной проблемы.

Несомненным достоинством работы является установка на комплексное исследование феномена среднего класса г. Алматы. Анализ его характеристик предваряется представлением критериев и признаков, благодаря которым авторы фиксируют разные аспекты социальной стратификации общества, всесторонне рассматривают динамику включения людей в новые социальные структуры. И хотя, как известно, разработано немало концепций среднего класса, в данной книге примечательно то, что авторы делают попытку поиска критериев, релевантных именно социокультурным условиям г. Алматы. Поэтому авторы учитывают и культурный контекст (мнения, оценки и стереотипы и т.д.

и то, при каких условиях они проявляются именно так, а не иначе), который играет большую роль в понимании современных процессов классовой стратификации. Данный подход способствует максимальной передаче всей сложности феномена среднего класса в Казахстане. В частности, авторы подчеркивают такую важную особенность состояния среднего класса, как отсутствие уверенности в будущем. В современных социальных и политических условиях усиливается страх представителей среднего класса перед тем, что конкуренты, которых они зачастую не видят и не знают, готовы опередить их в любой момент. Этот страх связан с постоянным ощущением того, что их рабочее место и благополучие могут быть внезапно потеряны под влиянием экономических, политических, технологических и иных воздействий, происходящих в мире в результате игры рыночных сил. Качественное разнообразие групп опрашиваемых, равно как предметов обсуждения, позволяет отразить разнообразие понимания среднего класса. В частности, показано, что «понимание возможностей среднего класса имеет индивидуальные различия». Анализируются субъективные оценки социальной позиции среднего класса. Кроме того, в книге привлекает широта используемого материала, обилие цитируемых источников.

Вместе с тем работа вызывает много вопросов, связанных с определением самого понятия «среднего класса», тех критериев, по которым описываются его характеристики и сами характеристики, которые ему приписываются. Отсутствие единой исследовательской методологии усложняет понимание значимости представленных критериев. Кроме того, немало цитаций респондентов остаются без аналитического комментария, который позволил бы теоретически раскрыть представленный материал.

Особого внимания требует проблема методологического обоснования эмпирических исследований. Как известно, современным постсоветским исследованиям присущ дефицит «работающей методологии». Авторы делают попытку представить «работающую методологию», основанную на конкретном материале. Примечательно указание одной из авторов на концепцию капитала, что безусловно важно для анализа социальной стратификации среднего класса и недостаточно представлено в других казахстанских исследованиях этой темы. Но, к сожалению, данная интенция не стала стержнем всей книги: отсюда лишь фрагментарная концептуализация, не связанная единой теоретической моделью.

Кроме того, глобальность исследовательских вопросов, поставленных в отдельных главах, не позволяет глубоко раскрыть каждый из них – работа состоит из относительно самостоятельных материалов, безусловно объединенных общим замыслом. Однако каждому разделу можно посвятить отдельную монографию.

Еще раз подчеркнем, что эта работа – одна из первых в стране, в которой используется качественный метод исследования. Авторы использовали богатый фактический материал, связанный с повседневностью и жизненными смыс-

лами среднего класса. Но в целом, на наш взгляд, книга относится скорее к описательно-аналитическому жанру, нежели к объяснительно-аналитическому. В то же время книга представляет собой оригинальное исследование, имеющее теоретическую и прикладную ценность, и является вкладом в развитие, в частности, социологической мысли в стране. Высокая информационная насыщенность, обширный качественный эмпирический материал делают возможным использование в будущем более релевантных теоретических моделей.

Маргарита Ускембаева: Средний класс Алматы: уровень жизни, гендерные различия, идентичность, под ред. С.М. Шакировой (Алматы: Центр гендерных исследований, 2007), 200 с.

Центр гендерных исследований г. Алматы известен в Казахстане своими новаторскими и оригинальными публикациями по феминистским/гендерным исследованиям. К этому ряду относится и новая публикация Центра, посвященная анализу среднего класса г. Алматы последних лет. Инструментом для анализа послужили качественные методы исследования, в частности фокус-группы и нарративные интервью, подкрепленные широким эмпирическим материалом, сопровождаемым добротными комментариями. Названия некоторых подглавок («Кому в Казахстане жить хорошо?», «Что день грядущий нам готовит?», «Мы говорим “Казахстан”, подразумеваем – власть» и др.) создают эффект узнавания и облегчают восприятие изложенной информации. Наверное, это хорошо. Неподдельный интерес вызывает постановка вопроса о восточной женщине. В частности, Карлыгаш Токтыбаева предприняла попытку расширить и углубить образ восточной женщины на примере анализа структуры казашки. В то же время у меня создалось впечатление, что этот образ далек от казашки г. Алматы образца 2007 года: ведь исторические отсылки сегодня уже неинтересны, гораздо интереснее – анализ актуальных ситуаций. В этом контексте Назым Шеденова в статье «Стратегии профессиональной карьеры и семейной жизни молодежи г. Алматы: гендерный срез» констатирует, что молодые люди 1990-х годов составили значительную часть бизнес-элиты, среднего и верхнего эшелона государственных служащих. Именно этот фокус позволяет включать анализируемую группу в общий контекст всего проекта. При чтении 120 страниц текста Светланы Шакировой возникает эффект присутствия; заметны четкая структурированность исследовательской позиции, широкая эру-

диция и хороший слог. Предмет исследования – доходы, потребление, накопления среднего класса; социально-профессиональный статус представителей среднего класса; семья среднего класса; социальное самочувствие среднего класса; городские проблемы в оценке среднего класса; гендерные отношения в обществе; идеология среднего класса.

Строго говоря, гендерные различия в исследовании видны не сразу, их анализ присутствует в «снятом» виде. Однако проблематизация класса, гендера и этничности в современном казахстанском социуме трудно структурируется как на эмпирическом уровне, так и на уровне теоретизации. В то же время, данное обстоятельство не снижает интереса к тексту в силу многослойности, орнаментальной мозаичности и, следовательно, неисчерпаемости эмпирического многообразия материала. Данный сборник в целом помогает увидеть оригинальное прочтение реалий нарождающегося среднего класса казахстанского мегаполиса.

На мой взгляд, данное исследование – образец субъективированного анализа в ситуации пребывания в ней и одновременной попытка увидеть себя и других в одном зеркале. Поэтому слоган «Мен осында тұрамын!/ Я здесь живу!», размещенный на обложке – аутентичен.

Наталья Загурская. Achtung, искусство!

Рыклин М. Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии (М.: Издательство «Логос», 2006), 208 с.

В 2003 году в *Гендерных исследованиях* был опубликован комментарий Анны Альчук об акте вандализма, инициированном настоятелем провинциального православного храма, на международной выставке *Осторожно, религия!* в московском Музее общественного центра «Мир, прогресс и права человека им. академика Андрея Сахарова». Возможно, это событие не приобрело бы широкий резонанс, став очередным спонтанным перформансом, типичным для современной художественной жизни, если бы речь шла о художественной критике непосредственно политикума. Однако погром выставки стал истинной находкой для православных патриотов и культурных деятелей соответствующих взглядов, таких как Н. Михалков, И. Глазунов и пр., особенно если учесть, что описанные события состоялись в предвыборный период. *Гендерные исследования*, как издание, независимое от христиански-ориентированных украин-

ской и тем более российской государственных и медийных политик, были одним из немногих – если не единственным – печатных изданий, предоставившим возможность высказаться участникам выставки и тем, кто их поддерживал, справедливо обращая внимание на то, что если бы русское православие было так слабо, что его смогла пошатнуть одна выставка, то тогда его перегибы скорее всего не привлекли бы внимание художников и выставка просто не состоялась бы. Стоит также напомнить, что выставлялись работы, посвященные различным религиям, и что участники выставки, многие из которых являются православными верующими, вовсе не стремились к уничтожению религии, полагая, напротив, что «актуальное искусство с его провокативностью способно вызвать дискуссию, помочь современному человеку самоидентифицироваться в качестве верующего, но сегодня и сейчас, а не в некоем воображаемом мире»¹, под которым подразумевается театрализованный ритуал, заменяющий веру.

Так выставка продемонстрировала противостояние церкви и религии с одной стороны и веры – с другой. Работа самой А. Альчук была пустым окладом от иконы, уничтоженной в гражданскую войну, соответственно, провокационность лозунга *Осторожно, религия!*, с которым большевики разрушали храмы, здесь становится призывом к бережному отношению к вере и осторожного отношения к попыткам использовать ее в качестве политического пиара. Прямолинейный пиар отсылает к самым широким массам, невосприимчивым к тому, что провокативность актуального искусства часто строится от противного, не говоря уже о том, что с точки зрения современного искусства выставка была более чем умеренной. Хотелось бы, чтобы название передачи, посвященной разгрому выставки на канале *Культура* и статьи Б. Мамонова в *Художественном журнале (Осторожно, искусство!)* также подразумевали бы бережное отношение к искусству, однако обычно нейтральный канал на сей раз выступил с резкой критикой.

Со времени этой статьи, касающейся погрома и первых реакций на него, произошло множество событий, предельно обостривших ситуацию вокруг выставки. Значимость этих событий была настолько велика, что обнажила общие для актуального искусства в постсоветском пространстве проблемы. Описание длительного процесса и осмысление этих проблем оформились в книге М. Рыклина. Особенную ценность книге придает то, что ее автор, связанный с одной из обвиняемых участниц акции, Анной Альчук, семейными узами, воспринимает ситуацию не только с исследовательских, но и с личных позиций, глубоко эмоционально включаясь в ситуацию. В связи с этим некоторые фрагменты вызывают сильные эмоциональные реакции, позволяющие непосредственно ощутить глубину травмы. Наибольшее впечатление производит описание истерики Анны, вызванной психологической иррадиацией психически неуравновешенных фанатичных верующих: будучи обвиненной в осквернении

чувств верующих, Анна фактически приняла на себя груз их проблем (с. 22-23). Однако не хотелось бы становиться в обвинительную позицию и по отношению к самим верующим, которых М. Рыклин описывает как людей из низших социальных, имущественных и интеллектуальных слоев, но вдохновленных верой (с. 24). Он сравнивает этих людей с «божьими людьми», которых описывает Л. Толстой – так же, как и участники выставки, в очередной раз вместе с ними преданный анафеме. И, конечно, они в такой же степени являются жертвами становящегося репрессивного патриархатного режима, на этот раз обозначенного как «управляемая демократия».

Второе название книги – *Произведение искусства в эпоху управляемой демократии* – прямо отсылает к творчеству В. Беньямина. Однако не случайно М. Рыклин цитирует не *Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости*, а *Московский дневник*, в котором целью постреволюционных идеологических процессов в России признается не материальный или символический капитал, деньги и должности, но власть как таковая, поскольку на них, «как на Клондайке, промывается вещество власти». И, учитывая генетическую память жертвы постсоветского интеллектуала, «мы знаем о ситуации больше, чем инстинктивный, наследственный страх позволяет нам спросить» (с. 18). И все же художники и интеллектуалы, становление которых в качестве таковых происходило в эпоху технической воспроизводимости произведения искусства, оказались застигнутыми врасплох в связи с отсутствием опыта жизни при зарождении режима. Очередные события вскрывают очередные, не представимые ранее травматические пространства, привыкание к которым «отнимает у нас часть духовного мира, то есть свободы» (с. 5), сокращает «доступную нам сферу духа» (с. 6). В этой ситуации генетическая память жертвы может помочь избежать повторения ситуации, когда страсть к онтологическому Реальному привела художников и интеллектуалов к очарованию жестокостью сталинизма. Однако, как замечает С. Жижек, работы которого приобретают особую актуальность в данной ситуации, чистка Реального от ускользающих реальностей неизбежно оборачивается одержимостью чистой видимости. Снова формируется поток писем возмущенных, «звучащих и яростных» масс, которые, разумеется, не видели экспонатов выставки, как, впрочем, и многие другие, кто высказался против нее, снова игнорируется право частной собственности, гарантирующее сохранность куда более радикальным западным выставкам и пр. Комическое требование массами закрытия выставки и уничтожения экспонатов – не нужное им лично – вполне вписывается в парадокс тоталитаризма «не хотеть того, чего требуешь», обозначенный И. Жеребкиной: «в любом жесте реализации сталинская тоталитарная субъективность (женская или мужская) никогда не хочет того, чего столь яростно и столь бескомпромиссно требует, включая в водоворот этого неадекватного требования, тем не менее, огромные личные и массовые ресурсы»².

Эти детали, активирующие память жертвы, активируют также и память противостояния, учитывая, что многие правозащитники, в отличие от подсудимых, имеют ее лично. По сравнению с такой чистой Реальной постмодернистские симуляции являются не более чем милыми интеллектуальными забавами. Учитывая эти соображения, *Свастика, крест, звезда* включает в себя как критическую и комментаторскую части, так и репортажную, позволяющую ощутить ход событий в реальном времени.

Процесс взывает к пересмотру традиционной для современных философии, психологии, искусствоведения и пр. критики просвещенческого проекта и реабилитации его позитивных аспектов (с. 35-36). В сложившихся условиях внутренняя критика просвещенческого проекта должна быть приостановлена, как, впрочем, и демонстрация искренней христианской веры, поскольку в условиях становления репрессивного режима они работают на упрочение этого режима, основанного на признании-дознании, оговорке-оговоре, нисходящей линии индивидуации, говоря словами М. Фуко (с. 153-154). Как и во времена становления сталинизма, политики постепенно отказываются от сотрудничества с актуальными художниками и интеллектуалами, место которых занимают наивные вандалы, по иронии отчасти повторяющие радикальные художественные жесты, подобные жестам Кулика, «Радека» и др. (с. 13), что позволило адептам погромщиков маркировать их как «православных концептуалистов» (с. 112). В ходе процесса власть отказалась также и от услуг экспертов по современному искусству, что, собственно, и сделало обвинение возможным. Совокупность этих обстоятельств, а также то, что обвинение действовало не правовыми методами, а методами спецопераций, подразумевает утверждение РПЦ в роли новой инстанции цензуры. Прецедентный процесс, связанный с выставкой *Осторожно, религия!*, был внешне открытым, что не помешало осуществлению властной режиссуры и обнаружило многие ее приемы, из которых еще возможно сделать соответствующие выводы, пока подобные процессы не стали закрытыми, а Чечня – «незаметно интериоризированной» (*там же*). Новейшее средневековье (с. 172) актуализирует просвещенческий проект, который наряду с радикальными антиклерикальными лозунгами предполагает также стремление к свободе самовыражения не только для себя, но и для антагониста, и, кроме того, недопустимость прикрития вандализма какой-либо – тем более религиозной – идеологией. М. Рыклин так моделирует высказывание де Сада по поводу разгрома: «я ненавижу вас за то, *какими мотивами* вы прикрываете свои действия. Вы совершили их якобы ради религии, ради святости, ради Бога, между тем как все эти ценности *как раз отменяются* вашим же жестом. Так освободите же его от этих странных мотиваций и громите просто по праву сильного» (с. 110).

Процесс показывает, что в дифференцированной интеллектуально-художественной среде трудно надеяться на сплоченность жертв перед лицом гру-

бой силы, каждая из которых до определенного момента надеется на сохранение собственного статуса, а затем полагает себя единственной несправедливо обвиненной (с. 30-31). В отличие от позднесоветских времен, жертва уже не получает даже символической компенсации, что вызывает стремление избежать выпадения из артсреды любой ценой, не учитывающее возможности уничтожения этой среды как таковой (с. 9). Жертвы процесса предпочли бы отказаться от полученного пиара, тем более, что получили свой статус случайно – только потому, что проходная в целом выставка проводилась в Музее центра им. А. Сахарова, известного антивоенными и антиправительственными настроениями.

Несмотря на соответствующий исторический опыт, в ходе процесса обнажились такие отношения в артсообществе, которые во многом исключали солидарность, особенно учитывая, что постсоветское артсообщество неоднородно и далеко не все его члены имеют представление об актуальном искусстве (с. 151-152). Между тем, как и во времена становления просвещенческого проекта, это «является залогом выживания в нынешних условиях таких хрупких образований, как современное искусство, новаторская литература и феминизм»³, учитывая выраженную патриархатность становящегося режима. Возможно, именно поэтому в ходе процесса женщины, естественным образом получившие более обширный опыт противостояния патриархатности, публично вели себя более сдержанно и целеустремленно. Симптоматичным выглядит то, что из троих обвиняемых двое было женщинами, воплощая образ «двойной дружости». Один из видных военных чинов предложил выступить против участников выставки под лозунгом *Вставай, страна огромная!*, который, по его мнению, должен был усилить ощущение опасности, учитывая его происхождение (с. 47). Однако фактически он представляет собой призыв к властной фалличности посредством защитного генитального дисплея. Немаловажную часть этого дисплея образуют домостроевские православные дискурсивные практики (с. 171).

Феминистские политические теологи неоднократно обращали внимание на тот факт, что православие особенно склонно к реализации патриархата в сфере духа, тотального права на духовность, мизогинии и нечувствительности к гендерным реформам. Терпимость к альтернативным, женским по сути формам духовности – таким как магия, мистицизм, юродство и пр. – в рамках православия означала не более чем маргинализацию и подчинение их приверженцев, «божьих людей» с целью спровоцировать их конфликт с тем, кто маркируются как «чужие» и, соответственно, способствовать социальному расслоению как основы авторитарного общества (с. 91). Во многом такой подход объясняется традиционно подчиненным положением самого православия. Воцерковленным православным стоит задуматься над тем, насколько выгодно церкви ее

властное использование, учитывая, что вынося православие на щит, Госдума принимает отрицательные решения по ее имущественным вопросам.

Для украинских интеллектуалов и артсообщества ситуация с выставкой *Осторожно, религия!* в очередной раз демонстрирует актуальность на постсоветском пространстве сближения постколониальных и женских исследований. Для отдельно взятого украинского интеллектуала или художника – особенно женщины – становление режима российской «контролируемой демократии» означает опасность надстройки еще одного этажа власти, усиливающего репрессивность власти непосредственной, также в свою очередь репрессированной. Впрочем, это не значит, что опасность «контролируемой демократии» должна отвлечь от опасностей глобализации.

Свастика, крест, звезда производит сильное впечатление. Возможно, оно было бы еще более сильным, если бы книга была снабжена репродукциями экспонатов выставки, представление о которых можно получить только в авторских описаниях и в воспроизведенном на обложке триптихе А. Дорохова *В начале было слово*, изображающего распятие на фоне текстов из *Нового Завета* на кресте, *Манифеста коммунистической партии* на пятиконечной звезде и *Майн кампфа* на нацистской свастике. Триптих воспроизведен в интерьере выставки после погрома и с ругательствами поверх изображений – кстати говоря, христианских святынь и святых. Симптоматично, что православных вандалов в Госдуме поддерживали депутаты от коммунистической партии, а их ксенофобия не оставляет сомнений в приверженности к русофашизму. Отсутствие репродукций других работ говорит не столько об их низком уровне, сколько о том, что их очередное воспроизведение может вызвать новый всплеск насилия православных фанатиков. А значит, процесс – в широком смысле слова – закончен только формально. Приговор, вынесенный не столько для наказания, сколько для устрашения «в худшей, неявной форме, без юридически точного указания на то, что же конкретно запрещено» (с. 164), был обжалован осенью 2005 года в Страсбургском суде по правам человека. Однако, учитывая открытие новых процессов против представителей артсообщества, оно в целом и каждый, кто к нему принадлежит в частности, вряд ли могут ощущать себя в безопасности. Возможно, это станет хорошим поводом к пересмотру позиций актуального искусства в ситуации после постмодерна.

¹ Альчук А. «Искусство и политика глазами участниц выставки “Осторожно, религия!”», *Гендерные исследования*, 2003, № 1 (9), с. 8.

² Жеребкина И. *Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует* (СПб., 2006).

³ Там же, с. 13.

Инга Иштван. «Отраженные голоса»: политика любви

«Любовь и политика» [Электронный ресурс]: газета новой творческой платформы «Что делать?», выпуск № 5, май 2004, http://www.chtodelat.org/images/pdfs/Chtodelat_05.pdf, свободный (электронная версия печатной публикации).

«Любовь и политика» – это пятый по счету выпуск группы «Что делать?», организованной летом 2003 года после акции «Новые Основания Петербурга», которую провели питерские интеллектуалы в ответ на официозную программу празднования юбилея города. Рабочая группа «Что делать?», в состав которой входят такие представители художественной и научной сред Санкт-Петербурга и Москвы, как Глюкля (Наталья Першина-Якиманская), Игорь Лебедев, Артем Магун, Николай Олейников, Алексей Пензин, Давид Рифф, Александр Скидан, Оксана Тимофеева, Цапля (Ольга Егорова), Кирилл Шувалов и Дмитрий Виленский, издает газету на русском и английском языках. И уже здесь начинается то многоголосие, та разница голосов, отраженных, резонансных звучаний, о которых будет говорить в самом конце выпуска питерская художница Цапля с критиком и переводчиком Давидом Риффом. Платформа «Что делать?» самоопределяется как проект, «создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом и направленный на политизацию этих трех типов деятельности»¹. И возможно, именно функция создания «пространства для голоса», попытка «дать голос» другому, или побудить другого вступить с социальным пространством в абсолютно немислимые, несвойственные ему отношения, и, наконец, «дать голос» самому пространству – все это, кажется, как нельзя более точно характеризует цели данного номера, особые движения сопротивления, разность в них потенциалов политики и любви, в напряжении между которыми и происходит то, что авторы называют субъективацией.

Выпуск состоит из Анкеты, на вопросы которой ответили Ирина Актуганова, Екатерина Деготь, Кэти Дипуэлл, группа исландских художниц «Корпорация любви», Ольга Липовская, Елена Петровская, Марта Рослер, Олеся Туркина, Кэти Чухров и Елена Здравомыслова; Комикса под названием «Отняв у мира возможность разговора, дружбы, любви, мужчины...», сделанного на основе книги Валери Соланас «Общество полного уничтожения мужчин» при использовании оригинального комикса Джейма Хернандеза «Love&Rockets» (1991); Комментария к анкете Виктора Мазина; Интервью Цапли с Петром Быстровым, представителем группы «Радек», «Как правильно любить Лену» – о его жене художнице Елене Ковылиной; *Love History*, озвученной Алексеем Пензиным, Владиславом Софроновым-Антони и Оксаной Тимофеевой; Диалога Артема Магуна «Меж пирами любви» и Двух диалогов с участницами

проекта «Фабрика Найденных одежд», ставших в этом году победительницами национальной премии в области современного искусства «Черный квадрат» с проектом «Три матери и хор» (Диалог № 1 Глюкля (Наталья Першина) – Дмитрий Виленский, Диалог № 2 Цапля (Ольга Егорова) – Давид Рифф).

Итак, редакция сборника задает первоначальный концептуальный посыл: феминизм как освобождение женской субъективности, ведущий к возникновению последующих вопросов: что есть женская субъективность и субъективность как таковая? Что есть политика? Что есть любовь? «И как они, черт возьми, связаны?» Определяя субъекта, независимо от его пола, практически, как действующее лицо, как субъекта событийного провозглашения, способного занять ту или иную политическую позицию, субъекта, который отвечает на политический вызов жизни вместе с другими, авторы говорят о том, что наиболее ясно субъект воплощается через определенные модуляции *голоса*, без которого нет и не может быть уникального ответа, нет и не может быть его/ее субъективации в *ты* и *я*, нет и не может быть солидарности (а есть, можно добавить, лишь виктимизация субъекта, который неминуемо терпит в языке, в символическом порядке ущерб от означаемого). И тогда аутичная красота – будь то *мужской эксцесс* или же *женская Инаковость* – к субъективности никакого отношения не имеют: их безответность и безответственность принципиально аполитичны. Если любовь действительно нисколько не является *отношением*, не наделяет рядоположенных субъектов собственной идентичностью, но сама является идентичностью, от которой зависит их становление субъектами, здесь, кажется, и появляется возможность говорить о женском и мужском голосах, о феминизме, уязвимости, коммунизме, политике и, может быть, о самой любви *удивленно* – как говорят между собой персонажи диалога Артема Магуна.

В этом и сложность написания рецензии на подобный проект – здесь нет и не может быть никакой позиции исключенного третьего. «Создание пространства для голоса» неизбежно призывает к респонзивной ответственности и самого читателя, вовлекая его/ее (меня?) в особый контекст, где феминизм давно уже превратился в составную часть господствующей неолиберальной идеологии, где в ответ на вопрос «какие политические задачи стоят перед феминизмом в современном мире?» звучат гулкие обезличенные голоса, не предполагающие занятия определенной политической позиции и не означающие более ничего, кроме иных означающих, а не верность событию как таковому. Удивительным выглядит уже то, как отвечают на этот вопрос, с одной стороны, наши исследовательницы, и Марта Рослер и Кэти Дипуэлл – с другой. Как пишет Марта Рослер: «Специфическая сила феминистской мысли, которая мотивировала меня в моем творчестве, не являлась поиском достижения экономического и, возможно, социального паритета с мужчинами в обществе». Или Кэти Дипуэлл: «Для меня, как для западной феминистки-социалистки, феминизм является интеллектуальным ресурсом и источником силы». Здесь «я», кажет-

ся, всегда уже означает занятие вполне определенной позиции по отношению к феминизму. В то время как наши исследовательницы говорят о феминизме как об одном из «брендов», наряду со «свободой и Тампакс», появившихся в постсоветском пространстве (Олеся Туркина), о феминизме как о «пугале для российских интеллектуалов» (Елена Здравомыслова), о маргинальности и невостребованности феминизма (Елена Петровская), о «грантовом гетто» феминистских организаций и о либеральном феминистском дискурсе, предьявляющем то, что называется «позитивным гендерным расизмом» – когда женщина отождествляется с Другим и тем самым за ней закрепляется образ привилегированной жертвы (Екатерина Деготь). Все это, как кажется, преимущественно безразличный дискурс, который не создает пространства для голоса, для «я» как событийного провозглашения, а следовательно, не создает и пространства для субъективации. И когда Ирина Актуганова говорит о том, что феминизм – это судьба, о том, что, будучи вовлеченными в этот дискурс, мы уже никогда не сможем игнорировать его, возникает вопрос – а не оказались ли мы вовлеченными в этот дискурс помимо собственной воли? Не стал ли для нас феминизм не внутренней возможностью для субъективации, а, скорее, одним из победоносных дискурсов, с которым «мы» (или все-таки «я»?) ведем войну на всех внутренних фронтах? Не инфицированы, не поражены ли мы либеральной версией феминизма настолько, что наши голоса сливаются в один и становятся неразличимыми? И когда Кэти Чухров говорит о необходимости трансформации проблемы пола и его вывода из бинарной оппозиции, о не-бинарном маркировании коммуникации и событии *встречи* полов, она утверждает, что у феминизма большое будущее, поскольку ему удалось затронуть не только гендерную или социально-экономическую, но и онтологическую проблематику. Не-бинарное здесь означает «преодоление фантазматических половых ожиданий от Другого» – выход за пределы воображаемой диалектики отношений господства и подчинения. По словам Бадью, ничто не требует более чистой логики, чем любовь – в любви необходимо удерживать пафос страсти, ошибки, ревности, пола и смерти на расстоянии². И эта «дизъюнкция полов» строго номиналистична – она позволяет маркировать позиции мужского и женского вне биологических и социальных оснований. Любовь здесь рассматривается как событие, а отношения полов – как постсобытийное производство истины относительно двух утверждений: «истина – это то, что мы были двумя и несколько не одним» (мужская позиция) и «истина – это то, что мы были двумя, а иначе бы нас не было» (женская). Можно вспомнить также и «женское» провозглашение из «Охранной грамоты» Пастернака: «Все мы стали людьми лишь в той мере, в какой людей любили и имели случай любить». Таким образом, женское утверждение, согласно Бадью, стремится к бытию как таковому – здесь, как кажется, и возникает та онтологическая проблематика женского, о которой говорит Кэти Чухров.

Постановка вопроса о возможных стратегиях солидарности между женщинами также вызывает неоднозначные ответы: с одной стороны, это возможность не редуционистской и не универсализирующей солидарности, подводящей к признанию прежде «невидимых» форм субъективности и позиций Субъекта, что, в свою очередь, «выходит за рамки основополагающей гендерной проблематики, подводя к признанию постколониального «Другого» вообще» (Марта Рослер); с другой стороны, это солидарность, актуализирующаяся перед лицом патриархата, то есть солидарность угнетенных, жертвы (Елена Здравомыслова). Это своего рода стигматизированная идентичность, но, как считает Елена Здравомыслова, в иных контекстах актуализируется и иная солидарность – поколенческая, классовая и т.д. Или же солидарность как определенная форма универсализации, к примеру, модель «советского человека» (Кэти Чухров), солидарность как доверие, которое не могут разделить сторонники потребительского неолиберального капитализма (Кэти Дипуэлл). Поиски стратегий солидарности, как отмечает Ольга Липовская, происходят и в рамках различных международных организаций – к примеру, международная организация матерей, потерявших своих детей-солдат на войне «Женщины в черном против войны» (которая, к слову сказать, также реализует преимущественно жертвенные стратегии солидарности). Елена Деготь, напротив, говорит о необходимости восстановления в правах *универсального героического субъекта* – «не андрогинного, а абстрагированного от гендера (как и этноса)». Именно здесь, как кажется, возникает измерение действия – поступок героя, который, если воспользоваться лакановским тезисом, приносит свободу даже его противнику³. Таким образом, прежде чем задаться вопросом о солидарности, следует задаться вопросом и о том, являюсь ли я субъектом политического действия или же мое я – это всегдашнее я уклонения, я умаления, я отказа? Скажем, я, неспособное «отделить свою персону от половых проекций». Так мужчина зачастую становится для женщины одним из начальных и необходимых условий ее субъективации, фантазматическим Другим, в котором она выступает объектом, ждущим «некоего бескорыстного дара» (Кэти Чухров). В то же время хрупкость поддерживающего фантазма оборачивается постоянным воспроизводством *уязвимости*. Как отвечают художницы из группы «Корпорация любви» на вопрос о том, как возможна некая революционная политика слабости: «Любое художественное произведение есть воспроизводство уязвимости, при этом оно способно воссоздавать универсальный человеческий опыт на личном уровне. Говорить правду – это революционный акт и так было всегда» (с. 8). Если же возможность освобождения должна в первую очередь совершиться в мышлении, а отношения полов и эротический конфликт между ними основан на фантазме, который питается нарративом, историей и культурой (Кэти Чухров), то остается задаться вопросом о том, чем может являться подобное освобождение – если не любовью? И если любить значит мыслить и мыслить

политически, если любовь рассматривается как возможность революционного освобождения, выстраивающая «коммуны сопротивления и желания», то, как отмечают редакторы выпуска, именно в акте любви и возникает возможность вступать в отношения солидарности, «вовлекаться в сеть сопротивления капиталистическому порядку» (с. 10).

Отвечая на вопрос о политическом потенциале любви, Олеся Туркина говорит, что этот потенциал заключается в том личном *сопротивлении*, на которое способен только влюбленный. И если всякое сопротивление предстает движимым энергией личного решения и поступка, представляя собой радикальный разрыв с существующим порядком, с тем, «что есть», то этот разрыв всегда является и разрывом с самим собой, перечеркиванием себя как субъекта, пресловутым лакановским *μη φύναι*, «скорее не быть» субъекта, в пространстве которого сам субъект всегда предстает как локальная конфигурация процедуры истины – политики и любви. Не утонуть во «всеослепляющем образе» (Олеся Туркина), фантазме, который отделяет меня от других – это сопротивление. Не эхо, но резонанс – голос, звучащий действием. Это не просто отзвук, и тем более не отголосок события.

И в то же время дискурс о преобразующем потенциале любви вызывает некоторые опасения. Так, Марта Рослер говорит об опасной близости подобного утверждения «мистическим ньюэйджевским тенденциям, которые Россия не устает демонстрировать» как «дискурс(ы) о прекрасной душе» (в то время как известно сартровское выражение: «мне прекрасная душа ни к чему, мне нужен сообщник»). Для Кэти Дипуэлл это скорее попытка легитимировать дискурс освобождения посредством сексуальной любви. В то же время она отмечает, что подобная концепция ни в коей мере не обеспечивает оснований для эмансипации, но, напротив, может служить предпосылкой для еще большего закрепощения. С другой стороны, Кэти Чухров говорит о любви, превосходящей пару или семью, отмечая тезис Жижека о том, что коммунальность, основанная на любви, возможна через внимательное понимание христианства. Так, Бадью различает любовь и пару – то, что в состоянии любви является видимым для третьего лица. В этом смысле любовь является своеобразной «невидимой», нерепрезентируемой формой субъективации, а это, в свою очередь, и ставит под вопрос ее отношение к политике. И в то же время, как говорит в своем интервью Петр Быстров, важно преодолеть стандартизированные формы общества между мужчиной и женщиной, и эта предельная радикализация повседневности – чтобы создать такие отношения, которые не могут быть охарактеризованы извне, в отношении которых невозможно занять третью, преимущественно безразличную, позицию – уже является не архивом дискурсивных фигур, но реальностью, которую, по словам Алексея Пензина, можно описать как событие или практику, имеющую прежде всего политические последствия.

В своем комментарии к анкете Виктор Мазин отмечает, что если любовь и позволяет субъективироваться, то любить в обществе, «где любить нужно тело товаров, где во сне являются “БМВ” и “Моторолы”, немисливо сложно». Немисливо сложно еще и потому, что «любить» всегда уже предполагает субъективацию, а парадокс субъективации состоит в том, что «чтобы любить, ты должен быть человеком, а чтобы быть человеком, ты должен любить» (с. 12). Это несколько напоминает альтюссеровский парадокс интерпелляции, но в то же время не стоит забывать о том, что любовь всегда находится по ту сторону интерпелляции, по ту сторону навязчивого повторения, там, где, как кажется, обретает свое пространство и коммунизм, и то, что мы называем свободой. Ведь кто сказал, повторим за Еленой Здравомысловой, что свобода – это удовольствие?

¹ См. <http://www.chtodelat.org>.

² Badiou, A. «What is love?», trans. Justin Clemens, *UMBR(a)*, no. 1, 1996, p. 37-53, 39.

³ Лакан Ж. *Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60))* (М.: Гнозис, Логос, 2006), с. 407.

Валентина Веремченко. Русский феминизм как вызов

Ирина Юкина. Русский феминизм как вызов современности (СПб.: Алетейя, 2007).

В издательстве «Алетейя» в серии *Феминистская коллекция* вышла в свет монография Ирины Юкиной «Русский феминизм как вызов современности», посвященная истории российского феминистского движения. Помимо названия, сочетающего слова «феминизм», «русский», «вызов», книга также привлекает прекрасным дизайном и художественным оформлением, стилизованным под 19 век благодаря наличию старых и не публиковавшихся ранее фотографий. Фотографии шаг за шагом иллюстрируют развитие женского и феминистского движения в России; сама книга всесторонне исследует русский феминизм. Использование термина «русский», а не «российский», по словам автора – дань отечественной историографической традиции, по которой любой

социальный феномен, маркируемый как «русский», понимался как дореволюционный, досоветский. Кроме того, именно так – «русские феминистки» или «русские равноправки» – определяли себя гражданки Российской империи вне зависимости от своей национальной принадлежности.

Книга написана на стыке двух наук – интеллектуальной истории и социологии общественных движений: социологический подход просматривается уже на уровне структуры книги; исторический материал, описание идеологических направлений русского феминизма, феминистских идей, формирования идеологии и дискурса движения проанализированы с позиций интеллектуальной истории. Исследование опирается на широкий круг источников, среди которых – как работы самих участниц движения (которые мы можем с полным правом определить как феминистские тексты начала 20 века), так и противников идеи равноправия женщин. Другим несомненным достоинством книги является то, что автор опиралась на работы современных российских исследователей гендерной проблематики, строила диалог не только с историками и социологами, но и литературоведами, философами, политологами; здесь вы найдете имена практически всех представителей гендерного сообщества первого призыва: С.Г. Айвазова, В.А. Веремченко, О.А. Воронина, Ю.В. Градскова, И.А. Жеребкина, Е.А. Здравомыслова, И.С. Клецина, Т.А. Клименкова, Н.Н. Козлова, И.С. Кон, Е.В. Кочкина, М.И. Либоракина, М.М. Малышева, А. Посадская, Н.Л. Пушкарева, Л.П. Репина, О.В. Рябов, И.Л. Савкина, А.А. Темкина, Е.И. Трофимова, В.И. Успенская, С. Ушакин, О.А. Хасбулатова, О.В. Шнырова, Е.Р. Ярская-Смирнова и другие. Глава первая «Женское движение как объект анализа» посвящена методологии исследования. В главе второй «Первый этап женского движения 1858-1905» анализируются первые коллективные женские инициативы 19 века, движение маркируется как женское. В главе третьей «Второй этап женского движения (феминистский) 1905-1918» коллективная деятельность женщин рассматривается как феминистское движение. Небольшая часть под названием «Вместо заключения. Советский феминизм» описывает идеологию и практику работы женотделов, которые рассматриваются как организационная структура нового этапа в феминистском движении, имевшем место в 1920-х гг., и заканчивается описанием деятельности советских диссиденток-феминисток в 1979-1980 гг. Заключение «Женское движение как результат и условие модернизации и демократизации общества» завершает всю книгу и обосновывает ее название. И. Юкина справедливо указывает на то, что современное женское движение в России еще не достигло тех высот и той результативности, которой добился русский феминизм начала 19 века.

Главы, посвященные движению, построены по единой схеме – внешние факторы развития движения и его внутренние ресурсы. К внешним факторам автор относит те исторические события, которые задают рамки политической деятельности и социальным инициативам – отмена крепостного права, «Вели-

кие реформы» 1860-х годов, возникновение новых классов, введение цензового избирательного права, первая мировая война, февральская и Октябрьская революции. Такие важнейшие социальные институты, как институт семьи, прессы, литературы, образования, политических партий и другие, которые сами интенсивно изменялись на протяжении рассматриваемого периода, описываются и обосновываются как факторы среднего уровня, т. е. те, которые формировали новые возможности и создавали новые ресурсы для дальнейшего развития женского движения и продвижения идеи равенства полов. Под внутренними ресурсами движения автор рассматривает лидеров движения, социальную базу, его организации, их акции, символику движения. Каждая глава заканчивается оригинальными и интересными выводами, в которых подводятся итоги, то есть осмысливается результативность каждого из этапов движения. Представляется, что благодаря этой структуре И. Юкиной удалось проанализировать такой многофакторный социальный феномен, каким является социальное движение, и структурировать обширный и пестрый исторический материал.

Центральной и, на мой взгляд, новаторской идеей монографии является идея, что женское движение 19 века, феминистское движение начала 20 века в досоветской России и советский феминизм 1920-х годов – суть есть одно движение на разных стадиях своего развития. И оно решало и решило те задачи, которые стоят перед любым феминистским движением в любой стране – проблемы образования и оплачиваемого труда женщин в общественном производстве, проблему всей полноты гражданских прав женщин, включая избирательные права и проблему семейных, репродуктивных прав женщин, включая сексуальную свободу.

На первом этапе (1858-1905 гг.) женское движение в России в значительной степени решило проблемы образования и труда женщин. На втором этапе (1905-1918 гг.) было продолжено решение проблем женщин на рынке труда и полностью решена проблема избирательных прав женщин. Таким образом, советскому женскому движению достались в наследство от дореволюционного русского феминизма только нерешенные проблемы сексуальных, семейных и репродуктивных прав женщин. Именно они и были поставлены на повестку дня советского феминистского (в форме делегатского) движения и социальной политики в отношении женщин, проводимой под руководством наркома социального призрения А.М. Коллонтай.

В книге много оригинальных идей. Одна из них та, что рабочее женское движение реально сформировалось в России только в 1917 году, когда сложилась коллективная идентичность работниц как большой социальной группы, т. е. коллективное осознание своих групповых интересов и представление о месте своей группы в сложившейся системе социальных, культурных, экономических и других отношений. Будем надеяться, что возможная дискуссия о

пролетарском женском движении будет способствовать дальнейшему исследованию этой малоизученной темы.

Другим сюжетом в отношении женщин-работниц и становления пролетарского женского движения выступает идея, что осознание себя субъектом социальных изменений происходило у работниц за счет участия их в деятельности специальных организаций, создаваемых феминистками для женщин низших социальных групп. Работницы, возвращенные в феминистских организациях, прямо уходили в революцию. И равноправки – женщины среднего класса – не видели в этом никакого противоречия, т. к. выработанная ими женская солидарность требовала от них поддержки женщин «не владеющих» групп. Эта мысль впервые прописывает механизм включения работниц в общественные движения и разрушает сложившиеся представления об обособленности женских феминистских организаций и их работе исключительно в своих интересах.

Разделение движения на женское и феминистское И. Юкина обосновывает наличием идеологии. Именно идеология, по ее мнению, является знаком феминистского движения. Любые другие коллективные действия женщин, не осмысленные теоретически, не выработавшие своей собственной объяснительной идеологии – не есть женское движение. Идеология русского феминизма, как доказывает автор, связывала воедино проблему равноправия женщин с проблемой формирования правового государства и развитием правосознания женщин. Сформировав свою идеологию, феминистское движение превратилось в силу, которая повлияла на общественное сознание, на принятие новых правовых норм, и решило поставленную задачу – добилось получения женщинами всей полноты политических прав. Это произошло в сентябре 1917 года.

Несмотря на то, что книга написана не совсем привычным для исторических трудов социологическим языком, она написана ярко и читается с интересом. Этому способствует и грамотное цитирование источников, использование высказываний известных деятелей, стихов и отрывков из художественных произведений прошлых лет, взятых в качестве эпиграфов к различным разделам книги. Книгу можно определить как работу в жанре социальной истории, понимая под этим то, что в ней рассмотрен социальный опыт определенной категории женщин, их ценности, верования, инициативы, которые обычно не исследуются в исторических трудах и анализ которых дан сквозь призму социологических и социально-психологических теорий. Да и сама тема, еще недостаточно разработанная в отечественной историографии, несомненно, привлечет не только специалистов, но и широкий круг читателей.

Ольга Плахотник. Гендер и образование: парадоксы встречи (обзор литературы)

Гендерная экспертиза учебников для высшей школы, под ред. О.А. Ворониной (М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005).

Смирнова А. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников (М.: Издательство ЗАО «Олита», 2005).

Проблема гендерної нерівності в педагогічній освіті (К.: ПЦ «Фоліант», 2003).

Малес Л.В. Основы гендерного анализа в дисциплинах социогуманитарного цикла: Методичні рекомендації (К.: Златограф, 2004).

Методика и методология гендерного образования в средней школе: Учебно-методическое пособие (Иваново, 2004).

Гендерное воспитание: Учебно-методическое пособие (Минск: ОО «БАМХЖ», 2006).

Воспитание граждан нового поколения: гендерный подход в парламентском образовании школьников (М.: Издательство «МИК», 2003).

Гендерная проблематика в образовании, несмотря на методологическую пестроту и неоднозначность, уже стала достаточно традиционной и признанной в поле гендерных исследований. Однако само поле образования занимает особую позицию относительно гендерных исследований. С одной стороны, оно с неизбежностью выступает *объектом* гендерного анализа и, следовательно, критики (поскольку основные функции образования – сохранение и воспроизведение социокультурных образцов – работают также на сохранение и воспроизведение различных видов социального неравенства, в том числе гендерного). С другой стороны, образование, персонифицированное в лицах и деятельности определенных преподавателей и создаваемых (ими) институций, предстает *субъектом* как гендерных исследований, так и гендерных образовательных практик, среди которых – преподавание соответствующих учебных курсов, проведение экспертиз, издание литературы и т.п.

Соответственно, указанная особенность может служить основанием для деления поля «гендерной проблематики в образовании» на две условных области – «гендерная критика образования» и «гендерное образование».

В последние несколько лет появился целый ряд изданий, так или иначе касающихся обеих указанных областей. Часть из них посвящены именно «гендерной критике образования», точнее, ставшему уже достаточно традиционным вопросу гендерного анализа (экспертизы) учебников и учебных пособий (например, *Гендерная экспертиза учебников для высшей школы*, под ред. О.А. Ворониной (М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005); *Смирнова А. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников* (М.: Издательство

ЗАО «Олита», 2005) и другие). Это важное направление гендерных исследований в образовании, можно сказать, это та «стартовая площадка» критического анализа, та констатация «фигур умолчания» либо искажения действительности, с которой начинаются, собственно, альтернативные, гендерно чувствительные дискурсивные практики.

Издание Московского центра гендерных исследований представляется ценным своим комплексным подходом, стремящимся охватить максимально широкое поле социогуманитарного университетского знания – социология, политология, история, психология, философия, лингвистика и так далее. Авторы разделов – признанные гендерные эксперты в соответствующих областях. По сути дела, эта книга являет собой сборник хороших примеров того, как сквозь призму гендерной методологии могут быть рассмотрены вузовские учебные пособия. Причем внимательный читатель вполне может экстраполировать предложенный подход именно на те учебники, что ситуативно заполняют университетские книжные полки в отдельных регионах. Например, харьковские преподаватели социологии предлагают предоставлять студентам два списка литературы к курсу – «белый» (рекомендуемые книги) и «черный» (настоятельно не рекомендуемые). Думается, что в «черный» список (наряду с идеологически и научно устаревшими изданиями) «гендерно продвинутые» преподаватели могут вносить также учебники, замалчивающие или искажающие идеи гендерного подхода.

Книга Анны Смирновой «Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников» является, на мой взгляд, также нужной и интересной. Она содержит, помимо собственно исследования, подробное теоретическое обоснование и практическое описание методики контент-анализа, предлагаемой для гендерной экспертизы школьных учебников. Это делает ее незаменимой для продолжения подобного рода работы (а в том, что нужно продолжать подвергать гендерному анализу учебники, сомневаться не приходится – очень уж далеки они от идеологии гендерного равенства). Пособие представляется ценным также благодаря богатому иллюстративному материалу; мне кажется, здесь довольно корректно выдержан баланс между теоретической глубиной и доступностью изложения, что случается нечасто.

Остается надеяться, что небольшой тираж этих двух изданий все же позволит им оказывать ощутимое влияние на современную образовательную ситуацию в постсоветском пространстве.

Однако гендерная экспертиза учебников – это не единственная и не самая сложная задача, которую предстоит решать в рамках «гендерной критики образования». Напомню, что гендерная проекция так называемого «скрытого курикулума» («*hidden curriculum*») включает следующие измерения: а) организация самого образовательного учреждения и гендерная стратификация учительства; б) содержание учебных предметов (включая программы и учебники); в)

собственно, стиль преподавания¹. Поэтому особенно важными мне кажутся издания, претендующие на критический гендерный анализ сферы образования как таковой (например, *Проблема гендерної нерівності в педагогічній освіті* (К.: ПЦ «Фоліант», 2003); Малес Л.В. *Основи гендерного аналізу в дисциплінах соціогуманітарного циклу: Методичні рекомендації* (К.: Златограф, 2004) и другие).

Первое из указанной пары изданий кажется мне ценным тем, что содержит описание, аналитическую информацию и результаты конкретного социально-психологического исследования по методике фокус-группы, которое проводилось с преподавателями и студентами педагогических вузов. Уже сама структура издания с подробным изложением всей процедуры исследования делает его воспроизводимым для других подобных проектов, что, на мой взгляд, важно. Кроме того, его тема, концентрирующаяся вокруг проблем гендерного неравенства в образовании, кажется мне актуальной – напомним, здесь речь идет об отражении первого из измерений «скрытого курикулума». И самый главный вывод этого исследования – «невидимость» проблемы для самих учителей и вузовских преподавателей – прекрасно подчеркивает «скрытую» дискурсивную природу подобного рода социальной стратификации.

Однако внимательное прочтение работы и особенно заключительного раздела «Констатации и предложения» вызвало у меня целый шквал вопросов и возражений. И я даже готова простить авторам использование в качестве базового теоретического концепта понятие «стереотип» (эх, нет на них моей преподавательницы по социологии пола! Она бы в них вселила понимание того, что «стереотип» ничего не объясняет в гендерном устройстве мира, а борьба со стереотипами, как это предлагают делать авторы анализируемой книги и многих других книг, не более эффективна, чем хрестоматийное сражение с ветряными мельницами).

Максимум возражений вызвал у меня фрагмент, содержащий что-то наподобие «рекомендаций». Я понимаю, что формально он должен быть написан по законам жанра подобного рода изданий; возможно, на этом настаивали грантодатели (а это – Канадско-украинский гендерный фонд), а может, инерция мышления самих украинских исследователей, привыкших писать статьи по так называемому «ваковскому стандарту». Однако фалличность этого последнего раздела сводит к нулю и так невысокий критический пафос данной работы: похоже, авторы твердо уверены в абсолютной идеологической нейтральности концепта «гендер», а критика существующих властных отношений и гендерной системы как таковой не входит в круг их мировоззренческих приоритетов. Такой – предельно нейтральной и «безобидной» – получилась и анализируемая книга.

Книга Л. Малес «Основи гендерного аналізу в дисциплінах соціогуманітарного циклу» методологически более корректна, чем предыдущая, а темати-

чески – более широка, поскольку описывает как теоретический контекст возникновения гендерного анализа, так и принципы и методологию осуществления гендерного анализа образовательной сферы в целом и отдельных дисциплин в частности. Более определенной является и целевая аудитория данного издания – преподаватели социальных и гуманитарных дисциплин вузов. Предполагается, что если кто-то из преподавателей захочет построить свой курс с учетом (или на основе) гендерного подхода, то данные методические рекомендации как раз для этого и написаны. И должна сказать – очень правильно предполагается, поскольку анализируемая книга написана на хорошем теоретическом уровне, логично и доказательно. И самое главное – она не содержит выводов; вместо них – две пустые странички «Для заметок»: вот уж действительно, книга воспроизводит не только «букву», но и «дух» гендерного подхода. Мне искренне хотелось бы, чтобы это издание попало в каждый украинский университет, на каждую кафедру – глядишь, и найдется на нее вдумчивый читатель.

И наконец третья группа изданий, о которых мне хочется сказать, целевым образом направлена на «внедрение гендерного подхода» в образовательные и/или воспитательные практики (*Методика и методология гендерного образования в средней школе: Учебно-методическое пособие* (Иваново, 2004); *Гендерное воспитание: Учебно-методическое пособие* (Минск: ОО «БАМХЖ», 2006); *Воспитание граждан нового поколения: гендерный подход в парламентском образовании школьников* (М.: Издательство «МИК», 2003)). Вот здесь я вижу больше всего вопросов и даже парадоксов.

По сути дела, все три упомянутые издания являются попыткой ответа на сакраментальный вопрос «Что делать?» – то есть каким образом «внедрить» гендерный подход в школьное образование (с вузовским, предполагается, дело обстоит гораздо лучше – там можно вводить «гендерные курсы»). В этом смысле они способны вызвать восторг у деятельных и активных педагогов, готовых «внедрять» всякие новшества, поскольку содержат именно развернутые методики и техники: делай раз, делай два и т.п. (Справедливости ради отмечу, что некоторые теоретические моменты все эти книги тоже содержат, однако, как мне кажется, читатель вряд ли станет на них сосредоточиваться, соблазненный далее изложенными «упражнениями».) Однако сама постановка этого вопроса вызывает массу возражений в стиле «а надо ли?»...

Боюсь оказаться непонятой частью гендерного сообщества, но я бы призвала к крайней осторожности и неустанной критической рефлексии в делах вот такого «внедрения». Помню, в начале 90-х гг. вдруг модной стала профессия психолога. И мой университет, как и многие постсоветские университеты, открыл девятимесячные курсы психологов, на которые набирали работающих учителей, а через 9 месяцев (символический срок, не правда ли?) выдавали им дипломы психологов университетского образца. Поток этих «теток», сохранивших все личностные профдеформации учительского прошлого, но вооружен-

ных новым прикладным инструментарием «инженера человеческих душ», хлынул опять-таки в школы, и один Бог знает, что они там творили, искренне считая свои побуждения благими. И очень скоро профессия психолога стала настолько дискредитированной, что я и многие мои однокурсники (выпускники классического факультета психологии) стали стесняться говорить о своей профессиональной принадлежности или вовсе менять ее.

Я не зря вспомнила эту историю и столь пространно о ней рассказала. Мне видится в ней прямая аналогия с так называемым «гендерным образованием» в школе. Особенные опасения вызывает у меня украинская ситуация, когда вступление в силу Закона Украины «О равных правах и возможностях женщин и мужчин» дает абсолютно легальные институциональные основания для подобного рода экспериментирования. Особенно учитывая тот факт, что даже формально ни бакалаврского, ни магистерского образования в сфере гендерных исследований не дает ни один университет постсоветского пространства², исключая ЕГУ. То есть в такой ситуации «гендерный подход» в школу понесут такие же энтузиастки-«тетки», как и в моем примере про психологию. Это очень страшно, поверьте...

На мой взгляд, гендерные исследования вообще и их импликации в образовательное пространство в частности менее всего нуждаются в подобного рода изданиях «для всех», и более всего нуждаются в «критических интеллектуалах» – т.е., по словам А. Усмановой, в «тех людях, которые могут сформулировать важные для своего времени вопросы, поставить под сомнение правомерность и полезность тех или иных действий власти; артикулировать некое видение мира, обобщить разрозненные явления и дать им имена, осознавая при этом не только собственную несвободу и детерминированность условий речи, но и ответственность за публично высказанное мнение»³. Иногда мне кажется, что вместо «гендерных» курсов в университетах лучше бы вводить и качественно преподавать курсы по критическому мышлению, а еще лучше – сделать университеты не обслуживающими власть заведениями, а местом сосредоточения критических интеллектуалов. И тогда, думается, проблема гендерного неравенства будет решаться как бы сама собой, без специальных книжек...

¹ Ярская-Смирнова Е. «Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана», *Гендерные исследования*, 2000, № 5, с. 295-301.

² Могут ошибаться, но если такие университеты есть, их все равно единицы.

³ Усманова А. «Философия и позиция критического интеллектуала сегодня», *Топос*, 2005, № 1(10), <http://belintellectuals.eu/discussions/?id=30>.

Наталья Загурская. Грамматика пола

Основы теорії гендеру: Навчальний посібник (К.: «К.І.С.», 2004), 536 с.

Первому украиноязычному учебнику по гендерной теории можно предсказать приобретение официального статуса. Дело даже не в том, что он изначально имеет гриф Министерства образования и науки Украины. И даже не в том, что, как сообщает пресс-служба президента Украины Виктора Ющенко, Екатерина Ющенко выступила на презентации учебника. Хотя, безусловно, эти факторы также имеют огромное значение. И тем не менее, главным доводом в пользу официальности учебного пособия является его структура и содержание.

Основы теории гендера могут найти свое почетное место в библиотеках высших заведений всех категорий и на книжных полках всех начинающих интересоваться гендерной проблематикой. Екатерина Ющенко замечает, что выход этого учебника является показателем готовности украинской общественности к восприятию данной проблематики как еще одного шага к демократизации. Учитывая статус репрезентирующей учебник жены президента, можно предположить, что вскоре курс гендерной теории станет обязательным в Украине, а те, кто уже давно получил высшее образование, вынуждены будут осваивать его самостоятельно. Вероятнее всего, этот процесс коснется в первую очередь административных и социальных работников. И формализованность, с одной стороны, а популяризованность – с другой, сделают *Основы теории гендера* незаменимой настольной книгой. Можно также предположить, что в украинском социуме, принимая во внимание поддержку на правительственном уровне, могут быть повторены перегибы раннего феминизма – в этом контексте хотелось бы, чтобы выход официального учебника помог избежать, а не, напротив, накалить межполовые конфликты. Ведь хотя *Основы теории гендера* и позиционируются как результат «аутентичного украинского опыта» и «оригинальных исследований», украинский материал в нем рассматривается с точки зрения зарубежных гендерных теорий. Учитывая выраженную динамику и гибкость украинских гендерных исследователей, хотелось бы, чтобы они тем не менее еще больше учитывали существующие западные теории и методы анализа, что позволило бы им уже исходя из этого разрабатывать собственный оригинальный «украинский путь».

Кроме введения в гендерную теорию учебник включает главы о гендерной проблематике в различных сферах общественной жизни – политике, образовании, СМИ и др. Заметно меньшее внимание уделено гендерной проблематике в культуре и – тем более – гуманитарным наукам и философии. Это обусловлено очевидной ориентацией на широкие круги читателей и специалистов-негуманитариев. Возможно, такой подход в сочетании с формализованностью может отпугнуть искренне интересующихся гендерной теорией, однако им

можно посоветовать обратиться к другим изданиям и переведенным на украинский первоисточникам. Тогда как для читателя, желающего получить самое общее и предельно сжатое представление о гендерной теории, данное учебное пособие станет незаменимым подспорьем. Во многом это обусловлено тем, что и сам подход авторов *Основ теории гендера* является позитивистским, тогда как в современных гендерных исследованиях преобладают все-таки совсем другие подходы. В учебном пособии предпринимается попытка ликвидировать этот «западный» перекосяк и дать читателю «фундаментальное», то есть позитивистское представление о гендерной проблематике. В результате самих «теорий гендера» в нем и нет.

С этой особенностью *Основ теории гендера* тесно связан и определенный эссенциалистский пафос задающих концептуальную рамку всему учебному пособию разделов, что отражено также в названии одной из них – *Проблематика пола: возникновение и генезис* Н.Д. Чухым и ее содержании: «рациональность, которая ассоциировалась именно с мужчиной (если опровергнуть ее эссенциалистскую трактовку как сущностной, природной характеристики именно этого пола) играла значительную роль в социальной жизни при переходе к гражданскому обществу и политическому государству» (с. 75). Это утверждение оставляет двойное впечатление, поскольку критика эссенциализма здесь становится гипотетической. Кроме того, учитывая украинский социальный контекст, оно может быть использовано как орудие патриархатности, которая оказывается в данной трактовке основанием гражданского общества. Эссенциалистским по сути является и раздел *Биологические, психологические и социокультурные факторы гендера* Л.В. Малес. И хотя автор в явной форме критикует утверждения в духе «пол – это и есть сам человек», тем не менее, неявно проводит концепцию сущностных детерминант гендера, центрируясь именно на биологических факторах, анализу которых посвящена большая часть раздела.

Такого рода нечетко прочерченная грань между полом и гендером обнаруживается и в определениях гендера, которые даются в учебном пособии. В них гендер не столько определяется, сколько обозначается – «гендер как социально-биологический пол» (с. 132), «гендер – социальный пол, в отличие от биологического» (с. 520). В некоторых случаях эти обозначения звучат анекдотично – например, «гендер как наука» (с. 10). В целом в *Основах теории гендера* гендер выступает не столько семантикой или, тем более, семиотикой пола, сколько его грамматикой, что, возможно, вполне соответствует специфике вводного курса, каким и является учебное пособие. Следствием этого оказывается, кроме всего прочего, повышенное внимание к проблемам гендерной идентичности и гендерного равенства. В разделе *Гендерная социализация и становление гендерной идентичности* П.П. Горностай гендерная идентичность понимается как достаточно жесткий эмоциональный конструкт, который «состоит в

переживании своего соответствия гендерным ролям» (с. 135) и не предполагает активности субъекта в построении этой идентичности. Возможно, именно поэтому, как отмечает С.М. Оксамитная в разделе *Гендерные роли и стереотипы*, «гендерные отношения в сфере распределения власти и политической деятельности в украинском обществе также имеют признаки горизонтальной и вертикальной сегрегации» (с. 178), а результатом истории украинского женского движения стала не более чем «общественная восприимчивость относительно разнообразных форм гендерной дискриминации и общественная потребность преодолеть это явление» (с. 218).

На усиление этой восприимчивости и направлены разделы, посвященные гендерным аспектам политики, СМИ, права, экономики, образования и педагогики, а также семьи. Во многом публицистическая стилистика этих разделов обусловлена, очевидно, необходимостью призывов к преодолению гендерного неравенства и несоответствия, обусловленных «распространением традиционных взглядов о “приватной” женщине и “общественном мужчине”» (*Гендер в политике* Т.М. Мельник, с. 245) в украинском социуме. Однако авторы этих разделов практически не касаются ни одной из актуальных в гендерных исследованиях таких тем, как проблемы мотивирования женщин для участия в общественной деятельности, компенсации домашнего труда и пр. Исключение составляет раздел *Гендерные отношения в экономической сфере* В.В. Блызнюк, в котором подробно рассматриваются указанные проблемы, однако этот раздел грешит реферативностью, а в качестве панацеи предлагается присоединение к конвенциям и рекомендациям антидискриминационного международного законодательства. Нужно ли говорить, что осуществление этого «присоединения» вряд ли действительно сбалансирует гендерную экономику? Несоответствие «теоретического» замаху названия и реального содержания блоков учебного пособия обозначает общую для украинских гендерных исследований проблему – нескоординированность «теоретиков» и «полевиков». В точке этой координации и могли бы появиться собственно «оригинальные» украинские гендерные исследования.

Относительно более теоретичными выглядят разделы, где рассматриваются гуманитарные разделы гендерной теории. Можно отметить раздел *Гендер и религия* В.А. Суковатой, который имеет выраженную философскую направленность. Автор концептуально базируется на постструктуралистских теориях, которые исходят из положения, сформулированного Ю. Кристевой: монотеизм является духовным патриархатом, а религия в целом не бесполо. Это особенно актуальный подход, поскольку в постсоветском контексте религия практически отождествляется с монотеизмом и, соответственно, обостряет гендерные противоречия, что значительно замедляет гендерную демократизацию, как, впрочем, и демократизацию в целом. Хотелось бы, чтобы официальные лица, внимание которых по долгу службы привлечен выход *Основ теории генде-*

ра, не только презентовали его, но и ознакомились с его содержанием, что могло бы позитивно сказаться на темпах демократизации украинского общества.

Разделы *Гендерная литературная теория и критика*, а также *Украинская гендерная культурология* В.П. Агеевой также концептуально основываются на теориях постструктуралистов. Можно порекомендовать ознакомиться с этими разделами авторам других разделов учебного пособия. Возможно осознав вместе, что «как только феминизм начинает оперировать теорией, он сразу же оказывается в капкане “общезначимого” и утрачивает возможность оперировать собственным языком, собственными выразительными средствами» (с. 427), авторы и составители *Основ теории гендера* могли бы вместе повысить уровень обсуждаемых проблем. В этих разделах также поднимается важная для украинского контекста тема духовности – «в украинской литературе сосредоточенность на душе/духовности преимущественно означала почти полную негативацию проблем пола, телесности» (с. 441). Внедрение такого критического подхода могло бы способствовать развитию украинской, в частности, женской литературы, а не компенсации массовой культуры. В разделе *Украинская гендерная культурология* речь идет преимущественно не о культуре, а о литературе, при этом не обойдена вниманием также «коллизия феминизма и национализма». Критике подвергается левый публицистический тезис о несовместимости идеологии национализма, государственности и феминизма, поскольку «женщины, которые осознали свою принадлежность к колониальной культуре, к культуре угнетенной или недоминантной нации, берут на себя двойное обязательство – бороться против дискриминации как национальной, так и гендерной» (с. 453). То есть данный подход наконец-то искренне иллюстрирует ту долгожданную украинскую методологическую «оригинальность», которую так долго ждали украинские гендерные исследования. Правда, достоинство раздела несколько скрадывается цитированием авторов, не имеющих отношения к феминизму или гендерным исследованиям – скажем, С. Жижека. Причем эти цитаты представляют собой отнюдь не обращения к концептуальным наработкам тех или иных западных авторов, а подтверждения с помощью их вполне тривиальных утверждений. Скажем, по меньшей мере странно выглядит обращение к С. Жижеку для подтверждения того, что отношения между полами являются принципиально конфликтными и это обуславливает не только их проблематичность, но и притягательность... И где же «украинская гендерная культурология»?

Раздел *Гендер и язык* О.С. Фоменко было бы целесообразно поместить ближе к началу учебного пособия, учитывая значительную роль языка в формировании гендерной идентичности. Кроме того, этот раздел обращает на себя внимание тем, что включает в себя оригинальный материал, основанный на изучении словарей украинского языка, а также рекомендации по языковому

планированию: «язык не является сексистским, таким его делают те, кто им пользуются» (с. 475).

Тем заинтересованным читателям, которые прочтут *Основы теории гендера* и расширят эту мысль до мысли «язык не является государственным, таким его делают те, кто им пользуются», стоит сообщить, что данное учебное пособие вполне можно рассматривать как приквел, вводную часть к выпущенному ранее Харьковским гендерным центром русскоязычным трехтомным учебным пособием *Введение в гендерные исследования*, включающим в себя хрестоматию и программы курсов. На что, помимо содержания, указывает идентичность дизайна обложки. Так что ошибиться заинтересованные читатели просто не смогут.

Виктория Ларченко. Женщина третьего тысячелетия: (новые) социополитические метаморфозы, или кому на постРуси жить хорошо?

Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность (М.: Горбачев-Фонд, 2005), 160 с.;

Гендерное просвещение: Вопросы и тексты для дискуссий (М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), Институт социально-экономических проблем РАН, 2005), 304 с.;

Здравомыслова О., Кигай Н. «Представление о гендере связано с осознанием личности». Оценки, суждения, мнения российских женщин и мужчин (М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2005), 124 с.

Все три издания выпущены в рамках российско-канадского партнерского проекта «Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность», основным направлением которого были семинары и дискуссии, призывавшие к публичному обсуждению гендерных проблем, в частности в России. Хотелось бы отметить, что, как обычно, подобная проблематика больше интересует женщин, чем мужчин, которых как авторов публикаций в данных сборниках насчитываются единицы. Издания затрагивают различные аспекты гендерной проблематики в целом, начиная от общетеоретических – например, определяют понятия «гендер», «маскулинность/фемининность» и др. – и заканчивая их преломлением через российский контекст, ставят вопросы о

локальных политиках и влиянии глобализации на права и обязанности российских женщин. По мнению К. Митчелл, руководительницы проекта с канадской стороны, осознание невозможности решения проблем *каждой* женщины России привело к необходимости выделения определенной категории – «молодых работающих», или, по словам О. Здравомысловой, «осознанно или вынужденно отказывающихся от традиционной (советской) идентичности («работающая мать») и приобретающих новую гендерную идентичность («профессионально ориентированная женщина»)» (Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность, с. 16). Анализ данной группы женщин, в свою очередь, предоставил необходимую информацию об их (не)участии в общественной жизни современного российского общества, выделил основные стратегии поведения, а также препятствия, мешающие проведению в жизнь данных стратегий.

Название сборника, идентичное конференции – «Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность» – раскрывает проблемы гендерного неравенства в политике. Так, например, М. Хаас («Женщины в политике (опыт последних десяти лет)») отмечает рост количества женщин, занимавших/занимающих руководящие посты за последние 20-30 лет, однако в процентном соотношении с мужчинами эта цифра все еще остается ничтожно малой. Именно поэтому Генеральный Секретарь Социалистического Интернационала Женщин полагает, что политические партии с разработкой и развитием стратегий по осуществлению гендерного равенства и продвижению женщин на руководящие посты – выход из сложившейся ситуации.

С. Айвазова («Путь женщин к политическому лидерству в постсоветской России») рассказывает историю «хождения» российских женщин во власть, начиная с 1906 г. – направления петиции в первую Государственную Думу российскими женскими организациями с требованием предоставления женщинам права голоса и получения этого права в 1917 г. – по 2004 г., когда состоялись президентские выборы в России, на которых И. Хакамада набрала 3,9% голосов избирателей. Вывод исследовательницы – общество «постепенно привыкает к самой идее гендерного равенства» (с. 32).

Л. Попкова («Феминистский политический дискурс в XXI веке: повестка дня для России») анализирует проблему равенство/различие в политических концепциях феминизма и отмечает актуальность сосуществования «множественности идентичностей индивида» (с. 36) в российском контексте, когда необходим «феминистский проект другой политики и другой власти» (с. 39), выступающей «не как подавление, а как забота» (с. 38-39).

А. Наиду («Женщины в руководстве и привлечение женщин на руководящие посты в ЮАР») пишет об «измененном статусе» женщины демократической ЮАР, который фактически не дал женщинам права играть решающую роль в решении политических задач и занимать руководящие посты вследствие все-

еще-существующих-политик-патриархата. Вывод: существует необходимость гендерно-ориентированной системы подготовки женщин к руководящей работе (с. 42), причем в борьбе с господствующей парадигмой необходимо «задействовать представителей обоих полов» (с. 46).

Э. Смит («О гарантиях и правах женщин в ЮАР») отмечает негативное отношение к концепту «феминизм» в ЮАР, который или 1) олицетворяется с «расистскими» политиками Запада в отношении «мультикультурализма африканского контекста», или 2) с попыткой ухода от борьбы с расизмом. В результате концепт «гендер» оказался более «подходящим» для ЮАР, что, по словам исследовательницы, отражено в Конституции данной страны, создании Комиссии по гендерному равенству, Комиссии по обеспечению равенства при приеме на работу. Тем не менее, женщинам часто закрыты дороги, например, в бизнес из-за отсутствия должного образования и умений, а также характерен отказ в финансировании при отсутствии поручителя-мужчины. Создание неправительственных женских организаций, методических центров при них, а также журналов – одна из форм преодоления кризиса, вызванного гендерным неравенством. Другими словами, несмотря на существование законов, в реальности наблюдается ситуация патриархата.

И. Горшкова («Как сделать общество восприимчивым к гендерным проблемам. Обзор дискуссии на круглом столе») описывает дискуссию, в ходе которой были отмечены изменения, произошедшие в этом направлении в России – начиная с большей степени информированности о концепте «гендер» в обществе и СМИ, появления большего количества женских организаций и заканчивая кризисом «традиционной маскулинной идентичности» (с. 74). Мнения оказались разносторонними, т.к. в дискуссии принимали участие представители как академических, так и неакадемических сообществ. Одними из выводов дискуссии были 1) вывод о необходимости гендерного просвещения субъектов во/вне власти, поскольку академические работы часто не находят понимания в неакадемических кругах, а также 2) вывод о соблюдении гендерной политкорректности в общественной жизни.

Н. Кигаи («Гендерное просвещение: что мы пишем, и как нас читают. Обзор дискуссии на круглом столе») описала еще одну дискуссию, отметив вопрос Е. Здравомысловой о пропасти между академическими исследованиями и повседневной жизнью субъектов. Причем, по словам исследовательницы, данный разрыв необходим для существования гендерных исследований как науки. Выход – нахождение посредника, способного переключать коды с одного языка на другой. Обсуждались также вопросы разных «гендерных литератур»; маргинализации гендерных исследований; плагиата в гендерных исследованиях и многие другие.

А. Лацис («Неприличная» тема») делится личным опытом гендерных отношений муж/жена. В попытках объективного осознания поведения мужей

исследовательница также отмечает отсутствие «популярного, общепонятного языка для обсуждения гендерной темы» (с. 110). Она фиксирует патриархатность телевизионных передач, глянцевого журналов и т.п., в которых дается патриархатный стереотип, сконструированный мужским взглядом практически на любую тему, в то время как место «реальной, популярной, но не чисто развлекательной женской прессы (как, впрочем, и для серьезных изданий, посвященных гендерным проблемам мужчин) в России вакантно, потенциальная аудитория – огромна» (с. 113).

И. Шурыгина («Кто и как принимает решения в российской семье»), согласно статистике, полученной в результате анализа ответов респондентов, утверждает, что «сфера принятия решений в российской семье является сферой мужского доминирования, которое нередко выступает в крайней форме – домашнем насилии в отношении жен» (с. 115), когда отказ женщины воспринимается негативно с последующим провоцированием конфликтной ситуации, что приводит к частому во-всем-согласию-во-избежание-конфликта со стороны женщины.

Х. Агтарьян («Позиционирование фреймов: линия жизни в женских историях») отмечает, что испытала на себе тезис «личное есть политическое» и что «выбор, который мы делаем, имеет политические последствия» (с. 132), т.к. является незамужней женщиной-иммигранткой армянской диаспоры в мультикультурном и мультилингвальном обществе. Исследовательница преломляет себя сквозь формулу «ума и глупости» Сократа («я знаю, что я ничего не знаю»), когда в попытках постижения своей *перформативной* сущности, зародившейся в *неродном* контексте, у нее возникает еще больше вопросов, которые требуют еще больше ответов.

Е. Здравомыслова («Гендерные исследования: академическое гетто и стратегии выхода») более детально рассматривает вопрос легализации «гендерных исследований в общественном мнении» (с. 139), поднятый исследовательницей во время описанной выше дискуссии, как одной из стратегий «для преодоления геттоизации и маргинализации гендерных исследований» (с. 146).

Е. Мезенцева («Гендерное просвещение в России: готовы ли мы к диалогу профессионалов?») отмечает, что более реальной стратегией развития гендерного просвещения в России и других постсоветских странах является «идея включения отдельного блока по гендерной проблематике в уже разработанные курсы, включенные в учебные программы» (с. 152), причем выполненные на профессиональном уровне, с чем, очевидно, трудно не согласиться.

Следующий сборник «Гендерное просвещение: Вопросы и тексты для дискуссий» снабжен текстами как отечественных, так и зарубежных исследователей/исследовательниц (многие из которых стали уже классическими в данной дисциплине) для их обсуждения на шести семинарах:

1. «Понятие “гендер”. Гендерный подход: социальное знание и понимание современного общества», на котором рассматриваются базовые категории гендерных исследований, начиная от самого концепта «гендер» и заканчивая рассмотрением патриархата, феминизма и зарождения прав женщин (С. Айвазова), краткий исторический обзор феминизма первой и второй волны феминизма, а также «гендер как производство личности и культуры» (Н. Чодоров);
2. «Изменяющиеся роли мужчины и женщины в обществе. Тенденция феминизации в культуре», на котором рассматривается «пол и политика» (Б. Фриден), «советский вариант “государственного феминизма”» (С. Айвазова), обучение правам женщин и равенству полов учителями (Н. Осетрова), феминизация науки и интеллектуальной сферы (Г. Соколова), роль женщины в первую мировую войну и – как частный случай – «феминизация общественной жизни Архангельска» (Т. Трошина);
3. «Мужественность и женственность. Сексуальность и проблема насилия», на котором рассматриваются мифы о женщинах, (по)рождающие гендерные стереотипы (М. Маки), «парадоксы постсоветской женственности» (И. Тартаковская) в виде «дискурса потребления», копирующего западные гендерные модели поведения в связи с крахом советских, идея мужественности (С. Ушакина), преодоление гендерных ролей для достижения «истинной свободы» (М. Фрэнч);
4. «Современная семья сквозь призму гендерного подхода», на котором рассматривается «семья как главный фактор гендерной социализации» (М. Маки), трансформация женщин в постсоветской России (аналитический доклад Российского независимого института социальных и национальных проблем РАН), феномен изменяющегося отцовства (Б. Бергстен, М. Бек-Виклунд);
5. «Гендерные аспекты глобализации», на котором рассматриваются теоретические и исторические основы процесса глобализации (В. Кувалдин; У. Бек), связь проектов феминизма и глобализации (П. Фердинандес-Келли, Д. Вульф; Н. Стромквист), «гендерные аспекты глобализации» (Н. Римашевская), «феминизация бедности» (О. Здравомыслова), политический аспект глобализации женского движения (А. Дроздова);
6. «Гражданская ответственность. И участие женщин в политике», на котором рассматриваются «феминистская перспектива в политике» (К. Коррин), женщины в контексте постколониальных и постсоветских трансформаций (Э.М. Трипп), профессиональные качества женщин-во-власти (В. Череватенко).

Можно отметить, что данные семинары охватывают основную информацию, необходимую для изучения гендерных исследований как просветительского проекта, начиная с элементарного уровня. Недостатком издания, на мой взгляд, является то, что некоторые тексты слишком сокращены, в то время как для самостоятельного чтения и просвещения лучше представлять более полный вариант.

Книга «“Представление о гендере связано с осознанием личности”. Оценки, суждения, мнения российских женщин и мужчин» завершает цикл изданий проекта. В ее основе – анализ дискуссий семинаров, теоретическая часть которых была рассмотрена выше, где 1) опять повторяется утверждение о недостаточной разработанности языка в процессе обсуждения гендерной проблематики, 2) анализируется разделение участников/участниц дискуссий по двум направлениям – «просветительскому» и «патриархатному» (причем О. Здравомыслова подчеркивает, что мужчины и женщины присутствуют в обеих группах), 3) делаются попытки определения барьеров, препятствующих женскому активизму в России, среди которых – социальное неравенство, непопулярность идеи гендерного равенства, формирование политической элиты по номенклатурному принципу, отсутствие четко установленной идеологии женского движения с отсутствием конкретных стратегий, а также статус «работающей матери» (с. 19), который предполагает отказ от самореализации в обществе за счет интересов семьи (с. 58).

В заключение можно отметить, что все три издания наглядно демонстрируют работу, проделанную в рамках российско-канадского проекта. И что работа не прошла напрасно для ее участников, не только получивших, как мы имели возможность убедиться, теоретические знания, но и преломивших их сквозь практический опыт в осознании личного как политического, став при этом более гендерно чувствительными. Эти издания могут быть рекомендованы широкому кругу читателей – как специалистам в области гендерных исследований, так и тем, кто пытается разобраться в основах и базовых представлениях.

Оксана Лебедева: Галина Брандт. Философская антропология феминизма: природа женщины (Санкт-Петербург: Алетейя, 2006), 155 с.

«Существует ли область “специфически женского”, которая отграничена от мужского как такового и может быть распознана как существующая до обозначения и, следовательно, предполагающая универсальность “женщин”?» (Батлер Дж. «Гендерное беспокойство», *Антология гендерной теории* (Минск, 2000), с. 303.) Именно эта проблема – о возможности/невозможности специфической «женской природы» и соответствующей ей универсальной женской сущности – заявлена как магистральная в книге Г. Брандт «Философская антропология феминизма: природа женщины».

Представленное издание имеет официальный статус «учебного пособия по теории гендера и феминизма для студентов и преподавателей, изучающих гуманитарные дисциплины». Но в то же время эта книга способна вызвать интерес у тех, для кого гендер и феминизм являются не столько академическим проектом, сколько основанием для поиска собственных индивидуальных жизненных стратегий, позволяющих достичь наиболее полной самореализации личности в различных сферах независимо от пола.

Структура «учебного пособия» в исторической ретроспективе воспроизводит основные этапы развития феминистской мысли (от защиты прав к философской антропологии – I раздел), а также содержит критическое переосмысление проблемы «женской природы» в западноевропейской философской традиции (II раздел). В этом разделе пособия с философских позиций анализируется вопрос о биологических, ментальных особенностях «женской природы» и особенностях культурного статуса женщины.

В III разделе понятие «природы женщины» рассматривается как наиболее проблемное для феминистской философии, производится анализ различных подходов и ракурсов видения заданной проблемы, а так же тех культурных перспектив, с которыми связано это переосмысление.

«Горячей точкой» в III разделе выступает тема «Женщина и/или “женщина”»: проблема гендерной/половой идентичности в постструктуралистской версии феминизма». Особое внимание Брандт уделяет анализу теоретических исканий представительниц постструктуралистского феминизма в языковой сфере и, соответственно, понятиям «женского письма» и «женского чтения», способным, по мнению их теоретиков, через язык женской телесности прорваться к тому интуитивно-бессознательному особому способу бытия, с которым культура разлучила женщину. Именно в постструктуралистской версии феминизма, по мнению Г. Брандт, вопрос о существовании какой-то особой «природы», общей для всех женщин, фактически снимается, а его место занимает вопрос о проблеме женской идентификации в современных философских концепциях.

Главную задачу своих исследований представительницы этого направления видели в том, чтобы, во-первых, деконструировать «искусственное понятие «женственности»», утвердившееся в западноевропейской философской традиции; во-вторых, отыскать, подобно археологам, осуществляющим поиск вещественных аргументов древних культур, в «теле» женщины через практики «женского письма» и «женского чтения» следы той «подлинной женственности», которая, по мнению Г. Брандт, и станет источником нового мировидения со всеми вытекающими отсюда социокультурными последствиями (Брандт Г. *Философская антропология феминизма...*, с. 146).

В контексте вышесказанного я хочу обратить внимание на важный, на мой взгляд, практический вопрос: ведь появление нового учебного пособия Г. Брандт наряду с теоретической проблемой о возможности/невозможности «женской природы» ставит еще одну проблему, более прагматичную – о возможности/невозможности сохранения так называемого «гендерного подхода» в современных, в первую очередь постсоветских гуманитарных исследованиях. То, что «гендерный подход» постепенно внедряется в систему гуманитарного образования и исследований, уже, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. Вопрос в другом – не ассимилируется ли гендерная методология при таком достаточно активном ее продвижении как в академические сферы, так и в широкие социальные круги другими новыми теориями субъекта, не превратится ли «гендер» из критически ориентированной теории по отношению к традиционным (патриархатным) институтам власти в понятие, воспроизводящее социальный запрос современных постсоветских так называемых «демократических» изменений?

Как бы в преддверии этих и/или аналогичных вопросов Г. Брандт в разделе «Вместо заключения» не формулирует определенные выводы по рассматриваемым проблемам, а демонстрирует перспективы постфеминистского видения проблемы половой/гендерной идентичности. По ее мнению, именно постфеминизм если не отказывается, то ставит под вопрос существование различных форм универсализма в теоретическом мышлении, в том числе и вопрос о существовании «универсальной женской сущности» и «специфической общности всех женщин». Человеческий опыт в таком контексте не может конструироваться по одной приоритетной модели и понимается как многообразный, раздробленный, «иной» по отношению к «центрирующей» норме. В результате итогом учебного пособия Г. Брандт о «природе женщины» оказывается логическое сомнение в возможности «женского опыта» как такового, вызывающее необходимость оставить в стороне и понятие «женской природы», являющееся основным аргументом для различных феминистских течений.

Тем не менее, именно теоретический раскол между представителями феминизма, отстаивающими права тех, кого называют (или кто является?) «реальными женщинами», и теоретическими исканиями представителей постфе-

минимизма с их идеями об «изменчивой модели идентичности» и т.п. оставляет, на наш взгляд, проблему «женской природы» стимулирующей для создания новых философских феминистских проектов.

Хотелось бы отметить особенность формы письма данного учебного пособия – Г. Брандт, выражаясь словами Э. Сиксу, пишет «белыми чернилами», то есть практикует такой тип письма, который и получил название «женского письма» (Сиксу Э. «Хохот Медузы», *Гендерные исследования* (Х., 1999), с. 77). В то же время особенностью данного учебного пособия является то, что наряду с изложением теоретического материала после каждого раздела содержатся вопросы для повторения, предлагаются темы для дискуссий и круглых столов, прилагается список литературы. В этом контексте вспоминается знаменитый вопрос из «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо, с которого фактически и начинается современная педагогика: «Восполнима ли материнская забота?». Ответ – за *читательницей/лем*, которому вполне предоставлена свобода порождать собственные смыслы и/или интерпретационные версии прочитанного.

Марина Воронина. «Мухи отдельно – котлеты отдельно»

Маслійчук В.Л. Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII-XIX ст. (Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2007), 400 с.

Начну, пожалуй, как и автор рецензируемой книги, с лирического отступления. Первое мое формальное знакомство с Владимиром Маслійчуком произошло в 1999 году на заседании одной из секций краеведческой конференции, и выступление тогда еще аспиранта произвело ошеломляющее впечатление на меня, тогда еще студентку. Это был тот редкий случай, когда я была абсолютно уверена в справедливости присуждения первой премии. Именно поэтому спустя пять лет мне, конечно же, польстило присутствие В. Маслійчука на моей открытой лекции в Харьковском гендерном центре. Ознакомившись с предисловием рецензируемого издания сейчас, я поняла, что автор за прошедшие годы не только заинтересовался «женскими исследованиями», но и получил стипендию на исследование этой темы от Американского совета научных обществ.

Я всегда была противницей гендерного распределения обязанностей в научных исследованиях и не считаю, что женскую историю должны писать только женщины, что лесбийскую проблематику не имеют право исследовать

гетеросексуалы и т.д. Но после прочтения рецензируемой книги вынуждена признать, что определенное рациональное зерно в таком разделении, очевидно, есть. Конечно, бывают исключения и в «мужских» исследования «женского вопроса» – Г.А. Тишкин «Женский вопрос в России в 50-60 гг. 19 в.» и Р. Стайтс «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930»; Тишкин выбрал данную тему для докторской диссертации еще в «брежневский» период, когда она была абсолютно маргинальной, а Р. Стайтс женился на русской. Большинство известных мне постсоветских «мужских» исследований «женского вопроса» напоминают скорее большие или маленькие сборники сведений о женщинах – как будто этих самых женщин «топором повыворачивали» из архивных хранилищ...

В рецензируемой книге, несмотря на полученную «под женщин» стипендию, «женская история» составляет лишь одну седьмую в общем (хотя и очень новаторском) исследовании истории Слобожанской Украины.

Автор, безусловно, не относится к когорте историков-ортодоксов и марксистско-ленинскую методологию успешно «выдавливает из себя по капле». В результате нельзя сказать, что книга ограничена одной методологией или одним направлением: здесь и микроистория, и история повседневности, и история ментальностей, где-то даже психоистория; заинтересованные читатели найдут здесь практически все ответвления современной исторической науки в той или иной стадии разработки. Многогранная междисциплинарность В. Маслийчука не только не пугает, но, наоборот, увлекает своими возможностями. Провокационность материала – исследование периферийного, маргинального, локального в истории Украины, например истории Слободской Украины как провинциальной истории, женской истории как истории девиантного поведения, включая практики пьянства, преступления, ссоры («лайки») и т.д. – способна перевернуть устоявшиеся стереотипы и схемы, «подкидывать» идеи. Идея Маслийчука рассмотреть историю Украины (вплоть до конца 18-го века) как историю «подвижной границы», опираясь на теорию пограничья Дж. Тернера, оказывается очень продуктивной, особенно применительно к теме украинской женской истории. Например, проблематика бегства украинских жен от мужей, по мнению Маслийчука, указывает на украинский женский эмансипационный потенциал. Однако у «женского раздела», к сожалению, вид падчерицы на фоне других разделов, которым автор явно отдал гораздо больше души, сил, времени и – не побоюсь этого слова – любви. С целью подчеркнуть междисциплинарность исследования В. Маслийчук использует модный и прагматичный способ презентации материала – расчленение текста на маленькие подразделы в две-три странички с индивидуальными заголовками. Но если в других частях работы текст убедительно представляет новый материал, то «женские истории» напоминают скорее «заметки» или тезисы. Не успела я как читательница вникнуть в проблему «наряда и половой идентификации» («IV. Вбрання та ста-

тева ідентифікація»), как меня уже настигают описания этнических и возрастных особенностей женского наряда («V. Вбрання як етнічна прикмета», «VI. Вбрання як вікова прикмета» с. 300-303), при этом все три подраздела занимают две странички текста. Огромные по размеру и по содержанию сноски на этом фоне серьезно озадачивают: возможно, автор не смог окончательно определиться в приоритетности тех или иных сведений (с. 295, 297-298)?

Другими словами, несмотря на то, что В. Маслийчук презентовал широкий объем фактажа по «женской истории», проделав основательную работу с архивными документами, его новый подход никак нельзя назвать «гендерным»: весь материал представлен в виде классической «his story». Открываешь содержание с «гендерными» заголовками – «2. Турбота про дітей “родини”» или «3. Дурные стороны старинного казацкого быта» и наталкиваешься на «продвинутый» вывод: «Старшинське коло, “родина”, піклувалась не лише про нащадка при живому батькові, але й про *vdig* та сиріт» (с. 94). Я вовсе не претендую на искусственное «втискивание» женщин повсеместно, но из книги В. Маслийчука возникает впечатление, что все эти казацкие старшины десятилетиями размножались методом почкования, и даже дочери у них рождались лишь в тех редких случаях, когда иначе как с помощью женитьбы продвинуться по службе возможности у них не было (с.264). Особенно показательна биография И.И. Квитки в подразделе «Родина та її вплив». Единственной особой женского рода, которая удостоилась упоминания, оказалась мать. В четырех предложениях поместились весьма скудные сведения: что она внучка знаменитого мазепинца Д. Горленка (с. 265) и что после смерти мужа она осталась с несколькими малолетними детьми. Однако на судьбу И.И. Квитки кардинально повлияли «тень Мазепы» и брат матери, а сама она так и осталась в его жизни лишь аппаратом для рождения. Неслучайно в разделе «женской истории» все социальные отношения ограничиваются внутрисемейными. В разделе «Харків» единственной женщиной, которая заслужила упоминание, стала «традиционная» Х. Алчевская (с. 355), поскольку это единственный женский бренд, который широко используется в региональных исследованиях всех времен. Выходит, что других социально активных женщин больше на Харьковщине не было...

В результате создается грустное впечатление, что молодой и талантливый автор, простимулированный «женской» стипендией, собрал под одну оболочку все исторические факты с участием лиц женского пола – чтобы они не путались в серьезной «мужской» истории Слободской Украины 17-18 столетий по принципу «мухи отдельно – котлеты отдельно».

Инга Иштван. Неистончаемое сияние: самая любимая Рита

Рената Литвинова. Обладать и принадлежать (СПб.: «Сеанс», «Амфора», 2007), 464 с.

Первый сборник новелл и киносценариев Ренаты Литвиновой вышел в издательстве «Амфора» в серии «Библиотека кинодраматурга» почти одновременно с книгами Алексея Балабанова («Груз 200 и другие киносценарии», предисловие к которой написала сама Рената), Надежды Кожушанской («Прорва и другие киносценарии») и Сергея Бодрова, составленной из его сценариев и биографических материалов о нем («Связной»). «Здесь совпадения падают подчас и на детали...»¹, поэтому трудно не заметить, что без своеобразного припева «.. и другие киносценарии» в этой серии вышли всего три книги – Литвиновой, Бодрова и Шварца («Золушка»). И дело, как кажется, не в молчаливом благоговении перед именами и не в предпочтении, оказываемом тем или иным авторам и текстам, но в том, что есть люди, которые, если повторить слова Киры Муратовой о Литвиновой, представляют себя – и не представляют ничего другого, а потому название книги в какой-то мере отсылает не к другим текстам, но к заключенной в сияющий образ фигуре самого автора – образ, в преломлении света которого *ранеными его ранами* проявляются его герои как воспоминания, или забытые сны увядшего уже цвета, облаченные в декадентский винтаж. Границы между сценариями у Литвиновой настолько прозрачны, что герои проходят сквозь них – из одного в другой – как призраки из тьмы к свету, даже скорее – ангелы, или посланники, удивительные создания, которым не столь уж необходимо зеркало, чтобы появляться и исчезать, скорее – соблюдение неких условий красоты, предрасположенность к красивой смерти, где каждый из них – связной, посредник между мирами, не отделяющий жизнь от сна или от пробуждения к смерти: «...я не главная. Я лишь поводыр в доль череды встреченных героев, ну... в реке фильма – я плыву от одного к другому», – говорит Литвинова в книге Алексея Васильева². Самая любимая Рита словно Офелия – в платье *для ускользящих минут* от Karin&Gorelik³, *утрата определенности*, когда все герои постоянно меняются именами, голосами и лицами – они словно сняты друг другу, да так, что каждая встреча в реальности таит в себе особую хрупкость исчезновения – их отражения недолговечны, но в этом смысле бессмертие, хотя оно и длится мгновения, даровано им навсегда – самое красивое платье, самые удивительные духи отражаются в зеркале, запечатлеваются на киноплёнке с неуловимой явленностью присутствия, а преступающий сквозь зеркальную грань двойник, ее последнее изображение, произносит *сверкающим, как из снега, голосом*: «Я умру вместо тебя» («О счастье и о зле...»).

У повести «Обладать и принадлежать», которая легла в основу фильма Валерия Тодоровского «Страна глухих» (1998), есть посвящение – «*Фаине*, попавшей в рай за то, что умела так сильно любить до самой смерти своего Михаила». В имени «Фаина» всегда звучит некое «сияние», греческое *φαίνω* – что значит не только светиться, просвечивать, проявлять, но и – указывать кому-либо обратный путь, и главное – показывать в отражении, отражать. Как «в свет», выходит Рита в кафе на первом этаже, где она пьет кофе и питается бутербродами, она одевает старые платья, найденные в Алешиных сундуках, платья «охраняют» ее, – никто не осмеливается подойти к ней, – но и делают ее уязвимой. Сценарий «О счастье и о зле...», по которому Литвинова в 2004 году сняла фильм «Богиня: как я полюбила»⁴, изменился до неузнаваемости – меняется имя главной героини, да и как может быть иначе, ведь Рита когда-то давно «была найдена полусидящей, полулежащей на скамейке у взлетного поля», и «бледность лица не мертвая, а походила на присыпанные пудрой щеки, и чудилось, что вся она дрожит от ветра», и «что-то прозрачное, как глицерин – тянулись линии слез из опущенных век и не высыхали, бликуя, отражаясь неизвестно от какого источника света», «красота – конечно, и Рита теперь – просто мертвая девушка, замерзшая в ночь на двадцать пятое число, с криминальными обстоятельствами смерти», ведь «одна из лучших смертей, когда засыпаешь на морозе, а Снежная Королева пока единственная, кто занимается падшими, поет и ласкает – все только плачут и улыбаются, и нельзя разбудить такого человека, хоть сердце его и постукивает!» («Обладать и принадлежать»). Или даже раньше – слепящий призрак умершей в больнице Риты Готье: «В ее лице возникла выразительная торжественная незнакомая красота. Она глядела кротко» («Очень любимая Рита, последняя встреча с ней»), Рита, ставшая Новой Богиней, которую она так долго звала и ждала для защиты: «безумно накрашена, но эта маска – трагична, одежды у нее оборваны, но серебристые, сделаны из снега, несчастное лицо сделано вечным льдом и могущественным холодом» («О счастье и о зле...»). «Очень любимая Фаня. Последняя с ней встреча» – это одна из последних «глав» фильма Литвиновой о Богине, после этого только «Вечер 15 число. У профессора», «Экранизация сна Фаины № 4. Про маму» и «Последнее число. Прощай, Фаина!» (Богиня, 2004), где Фаина в удивительно красивом платье проходит сквозь зеркало, не отразившись в нем – как проходит сквозь зеркала смерть в фильме Жана Кокто, как смерть, как поющий свет, неистончаемое сияние красоты. «А что, некрасивых не пускают?» – спрашивает Фаина у профессора. И не для того ли надевается каждое платье, чтобы встретить кого-то там, по ту сторону своего отражения или отыскать здесь любимого с таким незнакомым именем – Алешу ли («Обладать и принадлежать»), Михаила ли, с таким строгим и светлым ликом («О счастье и о зле...») «Ночью мне стали сниться платья, которые я хотела бы приобрести, – говорит Аля К. – То, как я иду по солнечной улице на тонких высоких каблуках и вся

обтянутая красивым черным платьем. То я на каком-то приеме, и у меня в руках бокал с чем-то вкусным, и я в длинном платье, до полу, а плечи и спина открыты. И столько вариаций! – Аля улыбается» («Принципиальный и жалостливый взгляд Али К.»). И каждое из этих платьев – *ее* последнее изображение, одна из «красивых примет», соблюдение необходимых условий смерти. «Больше ее никто не видел! Ни на дальних расстояниях, ни на ближних... А что, разве вы ничего не знаете, что Рита двадцать пятого числа умерла?» («О счастье и о зле...»).

В семинарах по этике психоанализа Лакан отмечает, что есть слова, характеризующие позицию Антигоны по отношению к жизни: «она говорит, что душа ее давно мертва, что предназначение ее в том, чтобы прийти на помощь», так в стихах 559-560 трагедии Софокла звучит греческое *ωφελείν* – «то же самое слово, на которое мы обращали когда-то внимание в связи с Офелией – на помощь мертвым»⁵. Милая таинственная Офа из «Трех историй» (1994), медсестра из больницы регистратуры, кому помогает она, убивая девушку Таню, отказавшуюся в роддоме от ребенка, а затем и сталкивая в воду свою мать, которая также когда-то отказалась от нее самой? Она делает удивительную карьеру: «Мне дают место в архиве роддома. Я буду заведовать этими секретными архивами, всеми связями и данными, подложными фамилиями и адресами ускользнувших, расписки отказавшихся женщин будут в моих руках, одновременно я буду обладать их адресами и подлинными фамилиями – такое судьба посылает не каждому!»⁶ («Офелия, безвинно утонувшая»). Впрочем, кажется даже, что ее имя – иное, но оно неизвестно нам, Офой ее называют окружающие, ведь «вы же знаете, и все знают, что я люблю Офелию, безвинно утонувшую... – отметила она в конце фразы и замолчала, разглядывая доктора. – И нет прекраснее и чище ее!»⁷. И звучат эти слова насмешливо и иронично, как и все ответы на вопросы влюбленного в нее доктора: «Я должен знать, что вы любите есть, пить, какое время суток вы предпочитаете, какой сезон в природе, погоду, цвет, запах, какого персонажа и из какого произведения вы видите в своем воображении, когда вы засыпаете или вот когда вы так покуриваете, глядя непонятно?»⁸. «Ну, чай крепкий. С лимоном. Это утром. И кофе с сигаретой – вечером», «Осень – хорошо. Когда дождь. И чтоб была ночь. Так люблю, доктор», и цвет – «Я люблю белый. Я люблю черный. Я люблю красный. Я люблю сверкучий, из чешуи»⁹. В постановке Гамлета Андрея Тарковского (1977) и Офелия (Инна Чурикова), и королева Гертруда (Маргарита Терехова) одеты в одинаковые красные платья¹⁰, красные платья и у Офелии и ее матери в «Трех историях», но каждый раз это не одно и то же платье – в котором поет и в котором тонет Офелия, это не одна и та же Офелия – та, которая мечтает о красивой смерти и та, которая дарит ей эту смерть: «Как все само совпадает и решается, – сказала Офа и толкнула женщину в спину. Та, не удержав равновесие, полетела в воду, ухнула в нее, и ее длинное платье, набираясь и пропиты-

ваясь водой, потянуло ее на дно» (с. 21). Чурикова спрашивает Тарковского: «А когда я умру, то буду в тапочках?» «Нет, – решительно отвечает Тарковский. – Умрешь ты босиком!»¹¹. «А когда я умру, ты заплачешь?» – спрашивает, глядя в камеру, одна из потусторонних в «Богине». «Держись за мое платье, – говорит смерть в фильме Жана Кокто Седжесту перед тем, как войти в зеркало. – Не бойся. Не отпусти платье». Все же, кому помогает Офелия, много больше схожая со смертью поэта, чем с Эвридикой? Для кого собирает свои магические цветы, сплетая в гирлянды – крапиву, лютик, ирис, орхидеи, меняющие в разных переводах и цвет, и имя? «Я найду их там – и этих врачей, и Полосуева, и заложницу. Я же виновата, что их нет...» – говорит Фаина Профессору. И найти их – здесь означает вернуться, и полюбить, и «понять смысл», как просила мама: «Я никогда никого не любила, а ради любви возвращаются даже мертвые». Сумрачный лес в «Богине» кажется словно списанным с иллюстраций сказок Ивана Билибина – это пространство, в котором, как кажется, законы любви и смерти неотделимы от приснившейся нам судьбы, где солнце проносится Алым и Белым всадником, а Василисе Прекрасной освещает путь череп со светящимися пустыми глазами. «Я день и ночь мечтал... Я день и ночь мечтал найти живую и мертвую воду. И, как написано, сначала полить мертвой водой, потом живой... и она оживает – моя любимая... А где мне было еще ее найти, мою любимую, чтобы оживить?» – спрашивает Профессор. В разговоре с Алексеем Васильевым Рената Литвинова замечает, что надо бы придумать русские комиксы – такие страшные сказки¹². «Богиня» – это причудливое сплетение жанров, комикс, главной героиней которого стала Психея; это странное путешествие по ту сторону света – в страну мертвых, сквозь ряд деревьев, где голоса призраков звучат как воспоминания об ушедших со сцены актерах. *Exeunt* – еще с самого начала фильма все герои отправляются искать что-то по ту сторону зеркала, за той гранью, где небо – с двух сторон: *с верхнего льется дождь, а нижнее – для птиц*, и неизвестно, кто они, как звучат их имена там, где человек со своим именем не совпадает. Михаил и его друзья, одетые в черное, – подмастерья ли они с заколдованной мельницы, которые умеют обращаться в воронов, ангелы ли они с мерцающими зелеными крыльями, которые прощаются, глядя непонятно. Проходят сквозь зеркала, не замечая, пересекают грани между миром живых и умерших, остаются одни и не могут найти дороги обратно. «Мне хочется сказать: “Я люблю тебя”, – но мне некому это сказать!..» – говорит один из любимых потусторонних персонажей Литвиновой. Какая-то женщина отбивает чечетку на табурете, поясняя: «Это азбука Морзе». И, почти крича: «Я передаю сведения: “Заберите меня отсюда! Заберите меня отсюда!..”». В сценарии «О счастье и о зле..» Рита так передает сведения своему любимому: «Заберите меня отсюда!» Строгие и светлые ангелы.. «Я звезда, звезда вашего периода!..» Это уже «прекрасный большой фильм»¹³ о любви и шпионах, где каждый из нас пристально всматривается из одного мира в другой, себя не

замечая, где цветы пьют воду – живую и мертвую, живую и мертвую, не дождавшись моего возвращения, где что-то случается с моими любимыми, без меня, а пули, срикошетив от стены, летят мимо моего сердца. Притворитесь, что плачете, друзья мои, ведь богиня притворилась, что умерла – и нет ничего удивительнее и смертельнее ее отражения. Фаина словно разбивается о зеркало – и непонятно, она ли бежит к этому зеркалу, опасаясь не успеть, или ее двойник, названный ее именем, звучащий ее голосом, так или иначе, но – *есть такой глагол «разбиться», он заключает надежду*¹⁴. «Тело мое было найдено в пять утра 25-го числа на Речном вокзале. Руки мои были покрыты ранами от уколов, а смерть моя наступила от остановки сердца, как я и предсказывала. При мне нашли папку с протоколом. На одной странице было нарисовано лицо, а на другой – вопрос о смысле моей жизни, а вся остальная страница была исписана ответом. И это было только одно слово – любовь» (Богиня, 2004).

Любовь как версия жизни, где *Хари присылается во всех ипостасях, через кучу посланников, а небесные ангелы добиваются правильного ответа*¹⁵, где всматриваться в чьи-то глаза означает медленно *гаснуть и гаснуть*, тонуть и становится сиянием, где, полюбив, люди становятся богами, обретают способность вершить чудеса и следовать за чьей-то тенью по ту сторону смерти, и умирать, и снова возвращаться к жизни, а любимых – снова встречать их во всех заснеженных городах подлунного мира, и в снах медлить мгновение, чтобы оглянуться и снова увидеть их, и наслаждение отдавать все деньги, надевать прекрасные платья, и выглядеть непонятно, и решать навсегда остаться там – в потустороннем.

Любовь как что-то приносящее боль, «как удар в сердце ножом»¹⁶. Что означает – быть заключенной в образ? В интервью Марии Сурановой Рената говорит о Мэрилин Монро: «Смотришь на нее – сияние не истончается»¹⁷. И это неистончаемое сияние – соблюдение всех необходимых условий красоты, где нож в сердце – как ключ, открывающий путь сквозь все зеркала и свет. И если кто-то, кто вонзил этот нож, подойдет и вынет его из сердца, оно остановится навсегда. Любовь как случайная смерть, как встреча, которая может и не состояться – это взгляд в зеркало, в котором нет моего отражения, в нем отражаются те, кого мы любим, кого забыли когда-то давно – и кажется, что одно лишь прикосновение, случайная встреча была бы спасением для меня, но смерть поэта должна быть жертвенна, а смерть богини – случайна, и имя этому случаю, *раздвоившему меня на сотворенную темноту и несотворенное время*, – любовь, безумие, дающее крылья. «Любовь – она не страсть, а такая зависимость, быть только в поле любимого взгляда, в поле любимого дыхания, голоса, свечения и излучения любимого тела... О боже мой, любовь – самое магическое в кино»¹⁸. И пленка, на которую снимается фильм, заколдована этим сиянием – она впитывает кровь, и свет, и смех, и ароматы духов. Такое странное желание – слышать голос, когда читаешь, как мечта о цвете в черно-белом «Завещании Ор-

фея» Кокто. *Не спрашивайте меня, почему*, но роза становится алой – эти несколько раскрашенных кадров, где кровь и цветок судьбы, сотканный из нее – одного цвета, завораживают и ранят, *словно медузу – лучи Солнца*. И все же – разбившееся зеркало хранит в себе уцелевший образ и чей-то голос все еще произносит: «Ничего не понимаю в любви»...

-
- ¹ Литвинова Р. «Офелия, безвинно утонувшая», Литвинова Р. *Обладать и принадлежать* (СПб.: «Сеанс», «Амфора», 2007), с. 20.
 - ² Васильев А. Богиня. Разговоры с Ренатой Литвиновой (М.: «Афиша Индастриз», 2004), 240 с.
 - ³ Название новой коллекции дизайнерского дуэта Лены Карин и Сабины Горелик, представленной на Неделе моды в Москве – «Гамлет. Утрата определенности».
 - ⁴ «Богиня: как я полюбила». Автор сценария и режиссер Р. Литвинова. Оператор В. Опельянц. Художник Е. Залетаева. Композитор И. Вдовин. В ролях: Р. Литвинова, М. Суханов, В. Сухоруков, К. Хабенский, К. Качалина, С. Светличная, Е. Руфанова, А. Краско, К. Мурзенко и другие. «Слово». Россия. 2004.
 - ⁵ Лакан Ж. *Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60))* (М.: Гнозис, Логос, 2006), с. 347.
 - ⁶ Литвинова Р. «Офелия, безвинно утонувшая», Литвинова Р. *Обладать и принадлежать* (СПб.: «Сеанс», «Амфора», 2007), с. 17.
 - ⁷ Там же, с. 12.
 - ⁸ Там же, с. 12.
 - ⁹ Там же, с. 13.
 - ¹⁰ Суркова О. «Хроники Тарковского. “Зеркало”: Дневниковые записи с комментариями», *Искусство кино*, 2002, № 7, <http://www.kinoart.ru/magazine/07-2002/Publication/tarkovskiMirror>.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² Васильев А. Богиня. Разговоры с Ренатой Литвиновой (М.: «Афиша Индастриз», 2004), с. 117.
 - ¹³ <http://renatochka.by.ru/rl/smi/2004-utro.html>

- ¹⁴ Васильев А. Богиня. Разговоры с Ренатой Литвиновой (М.: «Афиша Индастриз», 2004), с. 155.
- ¹⁵ Там же, с. 71.
- ¹⁶ Там же, с. 110.
- ¹⁷ Интервью Р. Литвиновой «Смысл жизни для меня – кого-нибудь любить», <http://genatochka.by.ru/rl/rev/2007-sobesednik.html>.
- ¹⁸ Васильев А. Богиня. Разговоры с Ренатой Литвиновой (М.: «Афиша Индастриз», 2004), с. 102.

*Ольга Романцова. Гендерное (не)равенство как готический роман
Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии: Монография (К.: Генеза, 2006), 296 с.*

Данная книга представляет собой диссертационное исследование на соискание степени доктора философских наук, что указывает на процессы легитимации гендерной теории и теории феминизма в постсоветском академическом пространстве. Автор анализирует такие темы, как гендерная идентичность, маскулинность и фемининность в культуре, воспроизводство гендерного неравенства в практиках производства субъективности и реализации механизмов власти в западноевропейской философской традиции. С помощью гендерной методологии осуществляется критика эссенциалистского мышления в западной философии, основанного на логике бинарных оппозиций и биологического редукционизма. В книге рассматривается история формирования феминистского дискурса, а также формирование гендерных режимов в культурно-историческом контексте античности, средневековья, Ренессанса и постмодерна. Интересным является вариант применения методологии феминистской литературной критики к анализу феноменов стереотипизации, сакрализации и подавления канонических женских образов в классической и массовой литературе на примере творчества женщин-писательниц в британской массовой культуре викторианской эпохи.

Достоинством данной книги также является использование обширного понятийного аппарата: одних только литературных источников в монографии насчитывается свыше 350, большая часть которых – англоязычные.

Однако хочется остановиться на самой проблематизации использования понятия «гендерные стереотипы» в постсоветской академии. Употребление данного термина в постсоветском варианте можно отнести к тому известному явлению, когда при переводе гендерной терминологии в постсоветский (в нашем случае – украинский) контекст аналитическая природа термина остается, как правило, в тени. Именно эту проблему подчеркивала Джоан Скотт, обращая внимание на превращение той или иной категории в своего рода методологическую инфляцию, где логика перехода от описания к анализу остается непроясненной и неочевидной. Если категория «гендерных стереотипов» есть ничто иное, как элемент социальной иерархии, то кто именно выступает предписывающим институтом социального контроля и чьи именно культурные традиции навязываются в качестве нормативных/«стереотипных»? Не является ли эта трансформация категории следствием отождествления метода с объектом исследования? И, наконец, почему только «гендерные стереотипы» позволяют анализировать отношения между полами/гендерами? Подобные вопросы заставляют задуматься над адекватностью применения западной гендерной методологии в постсоветском контексте или о тех проблемах, которые остаются за пределами ее компетенции. В таком случае, какая методология должна быть подходящей для анализа (постгендерной)?

В данной связи хотелось бы отметить главу монографии, посвященную женскому дискурсу в литературной прозе английских писательниц конца 18 – начала 19 веков (Джейн Остен, Шарлотты Бронте и других), включенному в литературный канон становления новых гендерных режимов буржуазного общества. Однако я хочу обратить внимание и на тот факт, что в данный культурно-исторический период в британской массовой культуре возникает литературный жанр готического романа, выступившего своего рода реакцией в ответ на репрессивность викторианской рациональности. Обладающие исключительной популярностью в конце эпохи Просвещения тексты, относящиеся к данному жанру, выступали своего рода пародийными отражениями действительности, наиболее известными примерами которых являются сатирические новеллы Джейн Остен и Энн Редклифф с их доведенными до предела образами «ангельской чистоты или демонической порочности героинь на драматическом фоне замковых развалин». Такие произведения, как «Северное Аббатство» Дж. Остен, написанное в 1779 г., и более поздний роман Мери Шелли «Франкенштейн», находились в это время на пике популярности, культивируя имена женщин-авторов как «великих колдуний» революционного идеализма.

В качестве метафоры готического воображаемого в этих романах возникают репрезентации фигур «мужских» и «женских» *вампиров* как основных

действующих персонажей, выступающих своего рода идеальными Другими по отношению к викторианской коллективной идентичности, которые предполагают разрушение традиционных механизмов власти, в том числе на микроуровне гендерных отношений и сексуальности. Изображения новых маскулинностей на примере образов феминизированных «мужских» вампиров, а также само по себе наличие «женских» вампиров подрывают модели нормативных гендерных идентичностей (и «стереотипов»). Женщины-вампиры, в частности, вызывают гендерное беспокойство своим отличием от нормативной женственности вне рамок традиционной гендерной субординации. В контексте либидинальной экономики кровожадность и сладострастие действий вампира предполагают фантазию, где оральное удовольствие и сексуальное – явления одного порядка, который свидетельствует в каком-то смысле об отрицании сексуального различия: ряд критиков уподобляют рот *female-vampires* с их ярко-красными губами и острыми белыми зубами с изображением вагины-дентата, связывающих женщин-вампиров с мужской тревогой кастрации даже более сильно, чем это делает изображение кастрирующей матери.

Иконография фетишизма широко используется также и в современной массовой культуре путем популяризации вамп и фетиш-имиджей в современной кино- и *fashion* индустрии, в которых сексуальная объектификация становится своего рода вектором трансформации гендерных стереотипов и политик сексуальности. На фоне современных идеологий расизма, сексизма и гомофобии популяризация подобных нарративов может быть рассмотрена в контексте риторик прав человека: «глобальный вампир» здесь выступает агентом противостояния каждой из дискриминационных систем, выявляющих повседневное насилие милитаризованного социума. В частности, в дискурсах национализма и логики этнического террора действия вампира выступают стратегиями культурного противостояния новым националистическим проектам расы, класса и гендера. Метафора «готической мелодрамы» с ее эссенциалистским символизмом приобретает здесь статус симптома в жижековском смысле, где его удовлетворение означает выход за рамки культурной и гендерной нормативности – преодоление постколониального состояния наряду с запретными желаниями вампира...

Остается только пожалеть, что данная тема не получила должного развития в монографии Т. Власовой.

Людмила Ожигова: Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика (СПб.: Алетейя, 2004), 408 с. (Серия «Гендерные исследования»).

Современные изменения социальных статусов личности, расширение ее ролевого репертуара и гендерных норм требуют от дискурса психологии переосмотра или переосмысления концепций и понятий гендера, специфики формирования гендерных отношений, гендерной идентичности личности. Воздействие факторов гендерной социализации (СМИ, школы, семьи, референтных групп и т.д.) ставит перед современной гуманитарной наукой особую задачу по выявлению и описанию тех социальных, экономических и психологических условий, которые обеспечивают преобразование внешних гендерных норм, образцов и ролей в индивидуализированный опыт личности. В связи с этим книга Ирины Клециной «Психология гендерных отношений: Теория и практика» актуальна и своевременна, так как является серьезным теоретико-методологическим и эмпирическим описанием гендерных отношений в дискурсе российской социальной психологии.

Основное содержание работы посвящено анализу категории «гендерные отношения». Используя социально-конструктивистскую парадигму и концепции социального конструирования гендера, автор книги конкретизирует понятие «гендерные отношения» и предлагает оригинальную модель их исследования, включающую различные уровни социальной реальности – макро-, мезо-, микросоциальный и внутриличностный. В книге представлен обширный теоретический и эмпирический материал, который систематизирует предпосылки возникновения и развития гендерного направления в системе социально-психологического знания, показаны концептуальные основания психологии гендерных отношений, последовательно раскрывается специфика гендерных отношений на каждом из выделенных уровней социальной реальности.

В первой главе книги «Теоретические предпосылки возникновения психологии гендерных отношений» представлено теоретическое обоснование нового научного направления в социальной психологии – психологии гендерных отношений. Показана роль социологии, психологии и феминистской теории, женских и гендерных исследований в возникновении этой дисциплины; конкретизировано место психологии гендерных отношений по отношению к таким сложившимся научным дисциплинам, как социология пола и психология пола; обозначены границы и статус психологии гендерных отношений как теоретической и прикладной области социальной психологии; показаны современные тенденции развития гендерных исследований в психологии. Во второй главе «Основы теории психологии гендерных отношений» раскрыт предмет и определены основные понятия психологии гендерных отношений. Под предметом

психологии гендерных отношений понимаются закономерности проявлений дифференциации ролей и иерархичности статусов субъектов отношений в сфере межполового взаимодействия. В главе раскрывается содержание понятия «гендерные отношения» – как многоуровневых отношений, которые «встроены» в широкий класс общественных, межгрупповых, межличностных отношений и включены в самоотношение личности. Конкретизировано социально-психологическое содержание таких понятий, как «гендерные представления», «гендерные стереотипы», «гендерные установки», «гендерная идентичность»; показана специфика этих социально-психологических характеристик по сравнению с такими личностными и групповыми образованиями, как социальные представления, социальные стереотипы, социальные установки, социальная идентичность. Структуру психологии гендерных отношений составляют четыре уровня проявления гендерных отношений: макро-, мезо-, микро- и внутриличностный уровни.

В главах с третьей по шестую последовательно рассмотрены гендерные отношения на разных уровнях социальной реальности и соответствующие этим уровням социально-психологические детерминанты; описаны как объективная, так и субъективная стороны проявления гендерных отношений. Так, в третьей главе «Гендерные отношения в контексте социокультурной организации общества» на макросоциальном уровне гендерные отношения анализируются в системе «общество (государство) – группа мужчин и женщин», «общество (государство) – личность мужчин и женщин». Социально-психологическими детерминантами гендерных отношений здесь выступают гендерные представления как разновидность социальных представлений. В главе определены субъекты гендерных отношений, функционирующие на макроуровне; описана специфика проявления гендерных отношений, реализующаяся в гендерных ролях и такой особой форме отношений, как гендерный контракт; выделены ведущие гендерные стереотипы – патриархатные и эгалитарные. В четвертой главе «Гендерные отношения в системе межгруппового взаимодействия» анализ гендерных отношений осуществляется в системе «группа-группа», причем рассмотрено взаимодействие общностей, однородных по половому признаку, то есть «мужчины – женщины». Здесь детерминирующими социально-психологическими факторами межполовых отношений являются гендерные стереотипы как разновидность социальных стереотипов. В пятой главе «Гендерные отношения в системе межличностного взаимодействия» показано, как на уровне взаимодействия систем «личность – личность» выстраиваются отношения между мужчинами и женщинами. В данной главе на примере гендерных отношений между супругами описан такой феномен как полоролевая дифференциация в семье. Автор доказывает, что гендерные отношения этого уровня детерминированы гендерными установками (как одним из видов социальных установок), которые и определяют а) партнерскую или б) доминантно-зависимую модель

гендерных отношений в семье. В шестой главе «Внутриличностный уровень анализа гендерных отношений» объектом анализа становится самоотношение личности как субъекта определенного пола, а гендерная идентичность, которая является составляющей социальной идентичности, выступает как детерминанта самоотношения личности; описаны такие формы внутриличностного переживания, как гендерный конфликт и кризис гендерной идентичности. Каждая глава подкрепляется результатами эмпирических исследований, полученных автором или другими исследователями.

Положительной особенностью книги является то, что автор старалась использовать все источники гендерно ориентированной психологической, социально-психологической и социологической научной литературы, опубликованной на русском языке. Кроме того, книга повышает возможность эффективного решения гендерных проблем в практике консультативной работы с личностью и группой.

Полина Румянцева: Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности (Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006), 290 с.

Гендерная проблематика в последнее время завоевывает всю большую популярность среди исследователей различных специальностей, в том числе и психологов. К сожалению, довольно активный рост количества публикаций, содержащих в своем названии слова «гендер» и «гендерный», автоматически не приводит к росту качества подобных изданий: зачастую авторы просто отказываются от устаревшего понятия «пол», заменяя его на более конъюнктурный «гендер», практически не пытаясь разобраться в существенных различиях содержания этих двух понятий. Тем приятнее встретить в этом потоке литературы книгу, содержащую материалы, имеющие отношение к новой области психологической науки – гендерной психологии.

Книга Людмилы Ожиговой посвящена одной из центральных проблем современной гендерной психологии – проблеме гендерной идентичности. Актуальность темы обусловлена значимостью понятия идентичности как для теоретического осмысления широкого круга проблем психологии личности, так и для решения практико-ориентированных задач, связанных с социальным поведением человека. Гендерную идентичность Л. Ожигова рассматривает как смысловое образование, описывая ее как элемент Я-концепции личности. Ком-

поненты гендерной идентичности соотнесены с традиционно выделяемыми составляющими Я-концепции – когнитивным, аффективным и поведенческим. По мнению автора, различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определяют индивидуальный вариант гендерной идентичности. В связи с этим автор использует такие понятия как «объективное гендерное пространство» и «субъективное гендерное пространство», соотносимые с объективными (среда – организм – деятельность) и субъективными (образ мира – мотивационно-потребностная сфера – планы, способы и структуры поведения) факторами. Среди составляющих объективного гендерного пространства названы гендерные стереотипы и эталоны, гендерная телесность, гендерные роли, которые находят отражение в субъективном пространстве в виде гендерных представлений о себе (когнитивный компонент гендерной идентичности), гендерной самооценке (аффективный компонент), гендерных планах, способах и структурах поведения (поведенческий компонент). В книге используются ссылки на западные феминистские работы и осуществляется попытка работать по критерию междисциплинарности.

На мой взгляд, особенностью книги является то, что она имеет выраженную практическую направленность: представленный в ней комплекс психодиагностических процедур, включающий глубинные виды диагностики (проективные методики и интервью), позволяет диагностировать различные аспекты гендерной идентичности, в том числе смысловые механизмы ее реализации. При этом кроме подробного описания механизма кризиса гендерной идентичности, который понимается как рассогласование внутренних компонентов (гендерных представлений, гендерной самооценки и гендерных планов, способов и структур поведения) с внешними (гендерными стереотипами и эталонами, гендерной телесностью, гендерными ролями), Л. Ожигова выделяет стратегии, обуславливающие его преодоление. Естественно, это ценный материал для психологов, занимающихся индивидуальным и групповым психологическим консультированием и психотерапией. Остается пожелать, чтобы книга оказалась доступной заинтересованным читателям.

Лала Багирова. Репрезентация женщины и мужчины в украинской телерекламе: обзор литературы.

Суковатая В.А. «Гендерный анализ рекламы», Социология: теория, методы, маркетинг, № 2, 2002.

«Искусство обольщения или открытая провокация», Зеркало рекламы, № 1, 2007.

Обрицько Б.А. Реклама і рекламна діяльність (Київ, 2002).

«Телевизионная реклама Украины: показатели 2001 года», Маркетинг и реклама, № 2(66), 2002.

«Украинский рынок рекламы в 2002 году: итоги не могут не радовать», Маркетинг и реклама, № 2 (78), 2003.

Понятно, что сегодня реклама не является лишь способом продвижения товара на рынке, она – способ отображения социальных и политических отношений (и желаний), свойственных культуре, в которой (и для которой) она была создана. Другими словами, реклама не столько предлагает определенные товары или услуги, но и предлагает купить вместе с товаром определенный социальный статус, удовольствие/наслаждение, собственный образ в глазах окружающих и одновременно передает табу и мифологию того или иного общества.

Реклама – очень важный рычаг влияния на общественное сознание. Она может «насаждать» распределение социальных и гендерных ролей, говорить не только о том, какой товар или услугу стоит потребить, но и о том, *кто* должен ее потребить. Особенностью телевизионной рекламы является ее возможность обратиться к наиболее широкому кругу потребителей, тем более если она транслируется в так называемый «прайм-тайм» (с 19.00 до 23.00)¹. К тому же, соединение изображения, цвета и звука облегчает процесс самоидентификации реципиента с героями данной рекламы. Таким образом, можно утверждать, что именно телевизионная реклама (по сравнению с другими видами рекламы) носит наиболее репрессивный характер по отношению к реципиенту.

Как же телевизионную рекламу в Украине с точки зрения гендерного анализа оценивает современная литература, заинтересованная в а) критике или, напротив, б) достижениях украинской телевизионной рекламы за последние годы?

Несмотря на то, что корни рекламной традиции в Украине можно найти еще в Киевской Руси, первые рекламные объявления на телевидении появляются лишь в 1987 г., в то время как в Западной Европе и США телевизионные рекламные ролики можно было видеть на экране уже в 1948². Однако несмотря на то, что телевизионная реклама для Украины – новое явление, она бурно развивается. По данным исследования журнала «МарКэтинг и реклама», телевизионная реклама – наиболее финансируемый вид рекламы в Украине³.

Украинская исследовательница В.А. Суковатая в своей статье «Гендерный анализ рекламы» в журнале *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 2, 2002 пишет, что сексуально-ориентированная репрезентация женщин в телерекламе выражает утопическое виденье мира, соответствующее мужской точке зрения; кроме того, утверждает, что вся реклама ориентирована на мужчин. В этом контексте В.А. Суковатая указывает четыре основных стереотипа в изображении женщины в рекламе: 1) женщин в большинстве случаев изображают в домашней обстановке, в однотипных ролях; 2) мужчины всегда принимают более важные решения, чем женщины; 3) женщины занимаются «мужскими» видами деятельности лишь в присутствии мужчин; 4) женщины исполняют роль сексуального товара. В украинской телерекламе В.А. Суковатая акцентирует особое внимание на нескольких моментах: в передачах и рекламных роликах, посвященных успешным бизнесменам или политикам, фигурируют чаще мужские имена, если же речь идет о социальной незащищенности, растерянности в условиях кризиса, преобладают женские. Женщина в украинской рекламе может иметь несколько стереотипных ролей – «жертвы» или хранительницы «семейного очага», «берегини»⁴.

Нельзя не согласиться с тем, что данные теоретические тезисы имели место в украинской телерекламе. Однако как быть с современными примерами украинской телерекламы, в которой именно мужчины исполняют «женские» роли – мытье посуды («Gala»), уборка дома. При этом мужчина показан слабым, нуждающимся в помощи, покровительстве, защите, а не стереотипно-сильным покорителем-завоевателем («Мистер Мускул»).

В журнале «Зеркало рекламы»⁵, в статье, посвященной Второму Национальному фестивалю рекламы, среди прочих работ, находим плакат с женщиной, кормящим ребенка грудью. И кто в этом случае «берегиня» – не совсем понятно.

Отдельно можно остановиться на такой новой украинской телерекламе, где не женское, а мужское тело выступает как товар. Множество роликов показывает рядом с девушками в бикини мужчин с голыми торсами. Появляются бренды, изначально ориентированные на женскую, а отнюдь не на мужскую, как постулировалось выше, половину потребителей, которые продают мужскую сексуальность.

Наиболее яркий из них – «Бонжур Десерт». Журнал «Зеркало рекламы» прямо заявляет – «целевая аудитория продукта – женщины от 12 до 50 лет» и объясняет, что «поэтому необходимо было найти особенный подход к ценительницам изысканных сладостей»⁶. «Особенным подходом» явилось то, что при разработке рекламы подбирались мужчины, которые могли бы стать воплощением «женской мечты»; при этом авторы данной рекламы считают, что мечты женщин относительно мужчин ограничиваются красивым спортивным телом и умением варить шоколад.

Реклама на телевидении проводилась в три этапа, при этом сам продукт рекламировался лишь на втором и на третьем. Решающим был первый этап (15-ти секундный ролик), который демонстрировал *обнаженного* мужчину, который одевает фартук. В результате успех продукта благодаря выбранной рекламной стратегии превзошел ожидаемые результаты: «Бонжур Десерт» выдвинулся на третье место по продажам в категории «Шоколад» и в пять-семь раз опережает другие десерты!!!

Телевизионной рекламе в Украине в этом году исполняется 20 лет. Первые 15-17 из них действительно характеризовались доминирующей ролью мужчины и подчиненным положением женщины, однако в последние годы наметились совсем иные тенденции. Реклама – явление динамичное, и кто знает, какой она будет завтра: возможно женщина и мужчина и вовсе поменяются ролями...

¹ Обрицько Б.А. *Реклама і рекламна діяльність* (Київ, 2002).

² Обрицько Б.А. *Реклама і рекламна діяльність* (Київ, 2002).

³ «Украинский рынок рекламы в 2002 году: итоги не могут не радовать», *Маркетинг и реклама*, № 2 (78), 2003.

⁴ Суковатая В.А. «Гендерный анализ рекламы», *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 2, 2002.

⁵ «Искусство обольщения или открытая провокация», *Зеркало рекламы*, № 1, 2007.

⁶ «Искусство обольщения или открытая провокация», *Зеркало рекламы*, № 1, 2007.

Анна Мастеркова. Восстанавливая связь времен...

Гульнара Бекирова. Крымскотатарская проблема в СССР (1944-1991) (Симферополь, 2004).

Гульнара Бекирова. Крым и крымские татары в XIX-XX веках (Москва, 2005).

У микрофона Айше Сеитмуратова, сост. Гульнара Бекирова и Эдие Муслимова; общая редакция, предисловие и комментарии Гульнара Бекировой (Симферополь, 2007).

Книги Гульнара Бекировой, вышедшие в 2004-2007 гг., посвящены истории крымских татар – одного из этносов, названных Александром Некричем «наказанными», – народов, депортированных из мест их проживания в период Великой Отечественной войны.

Монография «Крымскотатарская проблема в СССР (1944-1991)» – пожалуй, первое фундаментальное исследование политической истории крымских татар постдепортационного периода. Работа, которая, по словам автора, заняла с небольшими перерывами около 15 лет, состоит из пяти объемных разделов.

Хронологический отрезок велик, однако вполне мотивирован – это период, который прожили крымские татары в изгнании. Автор повествует о малоизвестном для широкой общественности периоде жизни целого народа на чужбине, о его борьбе за возвращение на родину, об отчаянном сопротивлении властей законному и естественному желанию крымских татар жить на родине и, наконец, о начале массового возвращения в Крым.

Впечатляют, прежде всего, крупные массивы источников, введенных в научный оборот в этой монографии.

В следующую книгу Гульнара Бекировой – «Крым и крымские татары в XIX-XX веках» – вошли статьи разных лет – научные, научно-публицистические, а также доклады и сообщения на конференциях. Книга, в которой представлены работы по самым разнообразным темам истории крымских татар, является логическим продолжением первой.

В своих работах Гульнара Бекирова ставит задачу «восстановить связь времен, восполнить бесчисленные историографические лакуны», связанные с изучением истории Крыма и крымских татар. Написанное ею – попытка воссоздать историю коренного народа Крыма начиная с 19 века до наших дней, показать вовлеченность и важность истории крымских татар для понимания процессов, проходивших на Крымском полуострове, рассказать о трагических годах депортации народа и полувековом пути возвращения на родину.

Во второй книге представлены не только научные работы Бекировой, но и ее публицистика. Здесь историк позволяет себе «повысить градус повествования» и четко обозначить свою гражданскую и человеческую позицию. Автор

рассуждает о сегодняшнем дне, о проблемах, с которыми сталкиваются возвращающиеся на родину крымские татары.

Работы Г. Бекировой разрешают двусмысленную ситуацию, сложившуюся вокруг истории Крыма. После депортации крымских татар стремительно изменились внешний облик, уклад и топонимика края. Казалось, оставалось дело за малым – переписать заново историю Крыма без упоминания коренного народа. Это, однако, оказалось выше возможностей исторической науки. Так, в «Большой Советской Энциклопедии» 1952 и 1972 гг. пришлось обойтись без истории Крыма 19 в., отсутствует там и упоминание о Крымской Автономной Социалистической республике, образованной в 1921 г. и «отмененной» вскоре после депортации крымских татар. Невозможно было описать эти темы без упоминания основного историографического сегмента – автохтонного этноса, рождение и формирование которого состоялось на Крымском полуострове.

Попытка лишить крымских татар их истории привела к бережному отношению народа к своему прошлому. «Думается, – не без основания пишет Г. Бекирова, – крымские татары в советский период могли смело претендовать на роль самого интересующегося вопросами истории народа... Это были воистину “бои за историю”... а в действительности – способ сохранения этнической идентичности, попытка сказать “мы есть”, “мы живы”, “мы не то, что о нас говорят”» (с. 32).

Особую ценность для историка Бекировой имеют живые свидетельства соотечественников, потому что они не только помогают восстановить историческую правду, но и позволяют воссоздать обстановку описываемых событий, заставляют читателя быть их очевидцем. Так, например, бесценными свидетелями оказались самодеятельный историк Абдураман Бариев, писавший свои работы в спецпоселении в Узбекистане (дед автора), а также многие другие соотечественники, поделившиеся своими воспоминаниями и семейными материалами. Еще раз подтвердилась старая истина: история народа начинается с истории, которую хранит семья.

Гульнара Бекирова призывает очевидцев помочь ее работе. В конце книги «Крым и крымские татары в XIX-XX веках» опубликована анкета для соотечественников. Историк, а в данном случае еще и архивист, Бекирова спешит: с каждым днем становится все меньше тех, кто может рассказать о жизни ее народа на чужбине. Собранные ею свидетельства безусловно окажутся бесценными для изучения послевоенной истории крымских татар и, скорее всего, со временем станут частью архивных и музейных фондов столь трагически разрушенной культуры крымских татар.

В только что вышедшей книге «У микрофона Айше Сеитмуратова» Гульнара Бекирова выступила как составитель (совместно с Э. Муслимовой), редактор, автор предисловия и комментариев.

Айше Сеитмуратова – правозащитница, активистка крымскотатарского движения за возвращение в Крым, историк, политэк, «выдавленная» из СССР после двух сроков заключения, соратница Андрея Сахарова и Петра Григоренко, без преувеличения посвятила жизнь служению своему народу.

В книгу вошли транскрипты передач Айше Сеитмуратовой на «Радио Свобода», регулярно выходивших с конца 1970-х до начала 1990-х – вплоть до возвращения Айше в Крым. Все эти годы ее голос на радиоволнах был одним из немногочисленных источников правды о положении крымскотатарского народа...

Превосходный литературный язык, гендерный подход к проблеме, отличный подбор материала и умение его преподнести делает работы Гульнары Бекировой важными не только для историков-профессионалов, но и для всех тех, кому интересна история Крыма и крымскотатарского народа.

Информация

Елена Кочкина, Элеонора Файзуллаева

Информация о достижениях международного проекта «Гендерное образование в странах СНГ» Института социальной и гендерной политики совместно с партнерскими организациями Женской сетевой программы из Узбекистана, Армении, Грузии, Молдовы, Киргизстана, Таджикистана, Казахстана

В декабре 2006 года сеть ЖСП завершила 3-х летний масштабный проект «Гендерное образование в странах СНГ». Программа стала тем рубежом, который позволяет признать факт интеграции гендерных исследований в систему высшего образования во всех странах-участницах (степень гендерной интеграции сильно разнится между странами).

Этот феномен означает постепенное изменение системы и стандартов образования во всем постсоветском пространстве. Подобные «подвижки» проявились не случайно в конце 2006 г. Именно три года назад в Бухаре на региональной гендерной конференции было достигнуто коллективное соглашение ключевых «игроков» данной сети о выборе данной краткосрочной региональной цели. Достижимость цели была обеспечена «архитектурой» программы – каждый программный компонент содержал в себе программную полифункциональность – и непреклонной солидарностью дизайнеров-инициаторов программы.

Изначально программа была задумана как мобилизация кадрового потенциала региона. В нее были заложены здоровые принципы равных возможностей и соревновательности, последовательно реализованные в 4-х региональных конкурсах программы. Более 500 исследователей и педагогов из вузов, НПО и академических институтов 8 стран прислали заявки на участие в программе. Финалистами и участниками программы стали более 170 лидеров и подвижников гендерного образования в регионе. Залогом успешности являлась уникальная система равноправного национального, регионального и международного управления: прозрачная 3-х ступенчатая процедура отбора лучших участников и участниц, работа 15-ти экспертных национальных советов и 4-х виртуальных региональных советов. Созданная система международного научного консультирования национальных исследовательских команд и индивидуальных исследователей позволила обеспечить беспрецедентное качество всех 40 уникальных интеллектуальных коллективных продуктов программы на 8-ми национальных языках. В общей сложности было создано 5 коллективных региональных интеллектуальных продуктов на русском языке с их кратким изложением на английском языке. Общее количество произведенных и изданных копий сборников и CD-дисков Региональной антологии исследовательских статей, Глоссария ключевых терминов, Регионального каталога гендерных ресурсов, Регионального аналитического доклада о состоянии реформ высшей школы и гендерного образования в восьми странах СНГ и Методологического руководства по преподаванию гендерных дисциплин превзошло 3 тыс. экземпляров.

Одной из основных задач программы была институционализация гендерного образования в вузах стран-участниц. Именно поэтому базовым компонентом стало проведение оценки *status quo*. Поэтому собранные воедино национальные аналитические обзоры предваряются вводной статьей И.Н. Тартаковской. Они были опубликованы отдельным сборником «Региональный обзор состояния реформ высшей школы и гендерного образования в восьми странах СНГ» (320 с., 2006) и стали уникальным региональным докладом стратегического уровня.

Благодаря программе удалось провести инвентаризацию фактически всех известных и доступных ресурсов (более 10 000 источников) для гендерного образования в 9 странах СНГ, созданных за последнее десятилетие. Национальные каталоги доступны на языке каждой из стран. Интегрированный банк данных собран в «Региональный каталог гендерных ресурсов» под редакцией М.Г. Пугачевой и доступен на сайте Института социальной и гендерной политики – www.genderpolicy.ru.

Изначальное желание разработчиц программы состояло в том, чтобы сделать гендерный подход понятным и доступным студенчеству региона независимо от страны обучения. Программа «заземлилась» посредством проведе-

ния 16-ти национальных эмпирических исследований. Получился поликультурный «тематический веер», который убедительно продемонстрировал фундаментальную воспроизводимость гендерного неравенства во всех национальных культурах региона. Изданная «Региональная антология гендерных исследований из восьми странах СНГ» (513 с.), призвана обеспечить кросс-культурность гендерного подхода. Включенный в нее «Глоссарий по гендерному образованию», подготовленный д.ф.н. О.А. Ворониной, связывает региональные данные с международными теоретическими разработками.

Логичной составляющей программы является развитие и совершенствование инновационных методов преподавания гендерных дисциплин. На Летней методологической школе «Гендерная педагогика», проведенной в августе 2006 года на озере Иссык-Куль (Киргизстан), был переработан и систематизирован 10-ти летний региональный педагогический опыт. «Руководство по преподаванию гендерных курсов», появившееся по итогам школы, должно заполнить методический вакуум для преподавателей всего региона.

Признаками результативности, жизнеспособности и перспективности программы является самоорганизация участниц/ков программы в первую региональную «Ассоциацию гендерных педагогов». Лист рассылки ведет Гульнара Бекназарова из Таджикистана. Предполагалось, что параллельно созданный «Центр современного гендерного образования» в России (рук. – Е.В. Кочкина) будет интегрирован в состав одного из российских вузов. Нынешний план развития программы на 2007-2009 гг.: перевод и издание массовыми тиражами созданных интеллектуальных продуктов на 8-ми национальных языках (планируемый общий тираж более 16 тыс. копий сборников). Следующим этапом должен стать региональный проект «Гендерное образование в мусульманском контексте», который будет осуществляться в шести странах региона – Азербайджане, Грузии, Казахстане, Киргизстане, России, Таджикистане и Узбекистане – в рамках Международной сети гендерной политики (*International Gender Policy Network*), созданной на базе 24 национальных партнеров ЖСП в 2005 году.